

Р. С. Ф. С. Р. ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ВЫСШИЙ ВОЕННЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ.
ПЕТРОГРАДСКИЙ ОТДЕЛ.

Влияние великой мировой войны на экономическое положение России.

Лекции, читанные в Военно-Инженерной Академии в 1920—21 учебном году.

Н. А. Данилов.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПЕТРОГРАД—1922

Петроградским Отделом Высшего Военного Редакционного Совета

Выпущены в свет:

В. А. Златолинский. Библиографический указатель по вопросам строительства вооруженных сил по милиционной системе.

А. А. Рябинин. Милиционная армия, как система вооруженных сил в современном государстве.

Проф. В. В. Яковлев. Руководство по подземному минному делу. Часть 3-я. Тактика и техника минной борьбы.

Проф. Ф. А. Макшеев. Артиллерия в войну 1914—1918 г.г. на франко-германском фронте. (По сочин. франц. артилл. генерала Гаскуэна).

В. А. Златолинский. Методы и приемы выполнения военно-статистических работ.

Игнатович. Боевая памятка младшего командного состава.

А. Семенов. Подготовка самостоятельного стрелка.

Вальтер Фогель. Барановичи 1916 г. (Издание германского госуд. Архива). Перевод с немецкого, под редакцией генштаба проф. П. И. Изместьева.

В. Булгаков. Пехотная разведка. (Работа отдельного разведывательного дозора).

В. Товаров. Полевая памятка для отделенного командира, разведчика и старшего в звене.

В. Булыгин. Практические приемы обучения стрелка, звена и отделения в боевой цепи. Обучение отделений.

Пионерные и инженерные средства борьбы. Из книги германской службы ген. Шварте „Техника в мировой войне“. Перевод с немецкого проф. военно-инженерной академии В. В. Яковлева.

Бои на реке Зап. Буге летом 1915 г. (Изд. Германского Ген. Штаба). Перевод с немецкого, под редакцией генштаба Л. Ф. Тигранова.

Зимняя операция в районе Мазурских озер. (Изд. Герм. Ген. Штаба). Перевод с немецкого Р. М. Модлина, под редакцией генштаба М. П. Каменского.

Г. П. Бадер. Уход за материальной частью 3-дюймового полевого скорострельного орудия, образца 1902 г.

Н. Щеглов. Пособие командирам батарей полевой артиллерии.

Прорыв русского карпатского фронта у Горлицы-Тарнова в 1915 г. (Изд. Герм. Генер. Штаба). Перевод с немецкого, под ред. генштаба В. А. Златолинского.

Лодзинское сражение. (Изд. германского ген. Штаба). Перевод с немецкого А. Н. Далина, под редакцией генштаба проф. П. И. Изместьева.

М. П. Каменский. Гибель XX корпуса в Августовских лесах.

Г. П. Бадер. Артиллерийские средства современной борьбы.

Р. С. Ф. С. Р. ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ОТДЕЛ ВОЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ПРИ
РЕВОЛЮЦИОННОМ ВОЕННОМ СОВЕТЕ РЕСПУБЛИКИ

Влияние великой мировой войны на экономическое положение России.

Лекции, читанные в Военно-Инженерной Академии в 1920—21 учебном году.

Н. А. Данилов.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПЕТРОГРАД—1922.

Р. В. Ц. Тир. 1000 эк.—1922.

Военная Типография Штаба Р.-К. К. А. (пл. Урицкого, 10).

Война — это борьба вооруженных народов. Она затрагивает их экономическую жизнь на всю ее глубину. Цель „экономики войны“, как науки, указать в конечном выводе на то, какими основными началами следует руководствоваться при подготовке страны к вооруженной борьбе.

Для того, чтобы достигнуть этой цели, „экономика войны“ должна:

1) исследовать вопрос, как влияет война на экономическую жизнь народа, что она оживляет в ней, что ослабляет, что разрушает совершенно;

2) выяснить причины, содействующие большему или меньшему разрушению народного хозяйства;

3) выяснить те способы, при помощи которых могут быть удовлетворены все требования войны наиболее полно и с наименьшими непроизводительными жертвами;

4) определить ту структуру народного (а в частности военного и даже войскового) хозяйства, которая дает наибольшую упругость, приспособляемость к условиям военного времени и наибольшие шансы на жизненность и,

5) соответственно всему вышеизложенному указать на меры подготовки страны к войне.

Великая мировая война дала нам блестящий и грандиозный исторический опыт. В течение ее подверглись испытаниям войны: прочность государственных организмов, построенных на самых различных началах — от абсолютной монархии до демократической республики, различные культуры — от примитивно-земледельческой до высоко-развитой фабрично-заводской, различный экономический уклад стран, различная их финансовая мощь; одновременно с этим обнаружились факторы, влияющие положительно или отрицательно на народное хозяйство и на мировое хозяйство во всем его об‘еме.

*

В настоящее время у нас, в России, еще нет данных для выяснения всех этих вопросов, для глубокого и широкого использования всего опыта мировой войны. Опыт Западной Европы, Японии и Америки для нас еще закрыт. Наш собственный, русский опыт доступен для нас еще далеко не вполне, потому что множество материалов, проливающих свет на те меры, какие были приняты у нас для облегчения вооруженной силе разрешить задачу войны,— находятся еще в нераспечатанном виде, еще в ящиках.

Вследствие изложенного, приходится отложить на будущее полное исследование вопросов, выдвигаемых задачами экономики войны и ограничиться исследованием „влияния мировой войны на экономическое положение России“ по тем материалам, которые нам в настоящее время доступны.

Но и эти материалы представляются весьма неполными, часто отрывочными, не обнимающими даже всего периода войны.

Важнейшими источниками, послужившими для составления настоящих записок, предназначенных для слушателей Военно-Инженерной Академии, были труды: 1) С. О. Загорского—„Война после мира“, 2) С. Н. Прокоповича—„Война и народное хозяйство“, 3) М. И. Туган-Барановского—„Влияние войны на народное хозяйство России, Англии и Германии“, 4) издание Министерства Финансов—„О влиянии войны на некоторые стороны экономической жизни России“, 5) издание общества имени А. Н. Чупрова для разработки общественных наук—„Вопросы финансовой реформы в России“, 6) „Труды комиссии по изучению современной дороговизны“, издававшиеся во время войны, 7) статьи, помещенные в „Вестнике Финансов“ и 8) статьи, помещенные в „Торгово-Промышленной Газете“.

I.

Причины великой мировой войны 1914—1918 г.г. Развитие Германии в политическом и экономическом отношениях.

Великая мировая война 1914—18 г.г. явилась следствием ряда сложных процессов, происходивших в международной жизни государств, обусловленных ходом их политического и экономического развития. Эти процессы накапливали в течение нескольких десятилетий массу неразрешенных политических и экономических вопросов и неудовлетворенных интересов, которые в конце концов разделили весь культурный мир на два вооруженных лагеря, поставленных в условия неизбежного вооруженного столкновения [1]. Во главе одного из них стояла Германия; во главе другого— Великобритания и Франция. Главнейшим из этих процессов было противоречие, которое создалось между все расширявшимся товарообменом различных государств и господствовавшей во всех странах, за исключением Великобритании, системой покровительственных таможенных тарифов.

Протекционизм, т.-е. политика покровительственных таможенных тарифов, введенный с целью ограждения молодой, неокрепнувшей промышленности от иностранного засилья, постепенно выродился в протекционизм „агрессивный“, стремившийся подорвать производство стран— конкурентов.

Предназначенный для развития конкуренции на внутреннем рынке, он кончил тем, что сократил последнюю, довел до крайнего напряжения конкуренцию на иностранных рынках, привел государства к неизбежному стремлению расширить свою хозяйственную территорию, завоевывать все новые и новые рынки для сбыта

---

[1]) Б. Жерве: Стратегия.

своих товаров и капиталов и обострил до высокой степени антагонизм между государствами в областях экономической и политической.

Особенно сильное развитие протекционизм получил в Германии, где высокое и широкое развитие научных знаний, трудолюбие народа, его энергия, предприимчивость и бережливость привели к огромному накоплению промышленных и финансовых капиталов, потребовавших для себя выхода. Но для капиталов было только два выхода: или путь уступок, или расширение хозяйственной территории силою.

Для последней цели необходимо было иметь соответствующее орудие в виде армии и флота. О развитии и усовершенствовании их Германия позаботилась еще задолго до великой мировой войны, погрузившись в милитаризм и маринизм и заставив последовать своему примеру и другие страны.

Располагая превосходными армиею и флотом, германский капитализм не пошел на уступки, а избрал своей политикой агрессивный империализм, неизбежно закончившийся мировой войной.

Такое решение вопроса не было новым. К нему обращались торговые страны с давних времен (Византия в VI—IX веках, Венеция в X—XV веках, Испания в XVI в., Нидерланды в XVII в., и Англия в XVII, XVIII и XIX в.в.) и, в зависимости от обстоятельств, приходили к тем или иным результатам.

Представляется чрезвычайно интересным проследить, как создалось политическое и экономическое могущество Германии, давшее ей возможность бросить вызов почти всему миру.

—Разгром в 1806 году прусской армии под Иеной и Ауэрштедтом окончился завоеванием французами всей Пруссии и привел последнюю к позорному Тильзитскому миру. Уничтоженная Пруссия ограничена была в содержании вооруженной силы, численность которой была определена в 42.000 человек, да и эта небольшая армия обязана была стать в ряды своих врагов. Но тяжелые испытания в здоровом государственном организме обыкновенно выдвигают людей, выводящих государственный корабль из беды.

Было так и в Пруссии. Реформы Штейна, Шарнгорста и Гарденберга вдохнули в прусский народ новые надежды, пробудили в нем патриотизм, энергию и предприимчивость. Пруссия ввела у себя кадровую систему комплектования армии на основании нового закона о всеобщей воинской повинности и в кампанию 1813 года выставила в поле уже 200.000 челов., а в кампанию 1814 г. численность ее армии возросла до 520.000 человек.

Венский конгресс, заключивший эпоху наполеоновских войн, создал из немецких государств германский союз с двумя крупными центрами—Веной и Берлином и с сеймом во Франкфурте на Майне. Этот союз представлял собою конгломерат отдельных государств, не живших, несмотря на единую национальность, общими интересами и даже враждебно относившихся одно к другому.

Поворотным пунктом в таком ненормальном положении явилось в 1854 году на сейме предложение Пруссии образовать германский таможенный союз, который должен был сблизить все немецкие государства в экономическом отношении. Предложение Пруссии имело успех, хотя Австрия, Мекленбург и Ганзейские города от вступления в таможенный союз отказались. Отказ такого крупного государства, как Австрия, хотя и ослаблял союз в экономическом отношении, но в политическом отношении играл в руку Пруссии, явившейся руководительницей экономического развития немецких государств.

Независимо сего, наличие в составе германского союза двух таких крупных государств, как Австрия и Пруссия, являлось постоянным источником соперничества между ними, которым последняя весьма тяготилась. В силу этого Пруссия решила добиться выхода Австрии из германского союза.

Благоприятный случай не заставил себя долго ждать. В 1864 году вспыхнула война германского союза против маленькой Дании, закончившаяся отторжением от последней Шлезвига. Военные действия с немецкой стороны велись соединенными австро-прусскими войсками, а вознаграждение в виде Шлезвига получила одна Пруссия; Австрия же осталась не при чем и заняла открыто враждебную позицию против бывшей своей союзницы. Натянутые дипло-

матические отношения привели в 1866 году к разрыву. Прусская армия вторглась в пределы Австрии и разбила на-голову ее армию под Кениггрецом. Преследование разбитого противника вскоре привело прусские войска почти под стены Вены, но мир остановил военные действия. Пруссия проявила великодушие к поверженному врагу: она не потребовала с Австрии ни денежного, ни территориального вознаграждения, но поставила категорическим условием выход Австрии из германского союза, чего и достигла. Германский союз прекратил свое существование. Его заменил Северо-Германский союз, в состав которого вошли немецкие государства, бывшие во время австро-прусской войны на стороне Пруссии; а из бывших на стороне Австрии—Саксония. Бавария, Вюртемберг и Баден, бывшие тоже на стороне Австрии, остались не включенными в Северо-Германский союз, хотя вступление их в него представлялось весьма желательным.

Таким образом, об'единения всех немецких государств под гегемонией Пруссии не осуществилось и осуществиться оно могло легче всего путем совместной борьбы против общего врага.

Таковым врагом была Франция. Великий Бисмарк, стоявший в это время во главе прусского правительства, сумел найти повод для разрыва с Францией, а также средство привлечь к борьбе против нея южно-германские государства. Последовавшая шестимесячная война привела к военному разгрому Франции (вся регулярная армия ее капитулировала под Седаном и Мецом), к экономическому ее ослаблению (Франция принуждена была уплатить 5 миллиардов франков контрибуции) и к полному об'единению немецких государств, с Пруссией во главе, под флагом Германской Империи.

Война 1870—71 г.г. должна была экономически потрясти Францию, чтобы обеспечить за Германией свободу экономического развития. Эта задача не была разрешена в полной мере: Франция была экономически ослаблена, но не разгромлена. Она необыкновенно быстро оправилась экономически от нанесенного ей удара и ранее установленного срока уплатила возложенную на нее тяжелую контрибуцию.

Тогда Германия поняла, что недокончила дела и хотела было „доделать“ его в 1875 году, но угрожающее вмешательство России спасло Францию от вторичного разгрома и заставило Германию воздержаться.

Образование в 1871 году Германской Империи явилось новою эрою не только в политической, но и в экономической жизни германского народа. С этого времени ее политика начинает обслуживать исключительно экономические интересы страны, а экономическое развитие, приобретая все более грандиозные размеры и все более совершенные формы, постепенно выводит Германию на мировую арену.

Попытка 1875 года является первым поползновением Германии в сфере мировой экономической политики. Дальнейшая ее деятельность на этом поприще ведется вплоть до 1914 года дипломатическим путем, подкрепленным непрерывным возрастанием военного (сухопутного и морского) могущества Германии. Деятельность ее сводится к борьбе за рынки и осуществляется или путем договоров, или путем захвата колоний и угольных станций.

Русско-турецкая война 1877 — 78 г.г. дала первый повод для вмешательства Германии в дела Балканского полуострова. Правда, это вмешательство тогда выразилось только в виде восстановления добрососедских отношений с Австро-Венгриею и в поддержке последней при оккупации Боснии и Герцоговины, а также путем подорвания престижа России в среде Балканских государств.

Однако, через пять лет, в 1883 году, обнаружилось наличие сепаратного соглашения по балканским делам, заключенного между Германией и Австро-Венгрией. Явно враждебные России цели, преследовавшиеся этим соглашением, побудили императора Александра III выйти из „союза трех императоров“ и остаться в изолированном политическом положении.

Это событие дало возможность Франции, которая не только опасалась за свое существование, но и мечтала о реванше за 1870 — 71 г.г., войти в сближение с Россиею, что в свою очередь ставило Россию из нейтрального по отношению к Германии положения в положение уже враждебное.

Последнее обстоятельство в конце 1880-х годов уже ознаменовалось установлением в Германии высоких пошлин на предметы ввоза из России, на что Россия ответила повышением пошлин на германские произведения и таможенная война возгорелась.

Желая урегулировать отношения, Россия предлагала Германии заключить торговый договор, но Германия отказалась и сделала новое повышение пошлин на русские провенансы. Тогда Россия еще более подняла пошлины на германские товары и этим заставила Германию согласиться на заключение торгового договора, что и совершилось в 1894 году, на почве взаимных уступок, на 10 лет.

Дальнейшая политика Германии по отношению к России выразилась в наталкивании последней на так называемую дальне-восточную политику, завершившуюся несчастной для нас войной 1904—05 г.г. и первою русскою революциею 1905—1906 г.г.

Торговый договор 1894 года не удовлетворил германского капитала, на поводу у которого шло германское правительство: к 1903 году Германия выработала новый тариф, содержавший в себе, так называемые, минимальные пошлины на хлеб, которые не должны были быть понижены при заключении торговых договоров. Эти минимальные пошлины увеличивали для России, по сравнению с тарифом 1894 года, ставки для ржи на 11 коп., для пшеницы на 15 коп., для овса—на 17 коп. с пуда.

Для России эти ставки были, конечно, неприемлемы. Однако, Германия оттянула решительные переговоры о заключении нового торгового договора до того времени, когда Россия оказалась в тяжелом положении, по причине возникшей войны с Японией и последовавших революционных волнений.

Тем не менее на состоявшемся у нас особом высшем Совещании представителей ведомств, связанных с экономической жизнью страны, раздались категорические возражения против уступок Германии.

Председательствовавший в Совещании, граф С. Ю. Витте высказался определенно за настойчивость с нашей стороны требований понижения пошлин на хлеб. Такой же

точки зрения держался и министр земледелия Ермолов. Но представители внешней и внутренней политики признали необходимым поступиться интересами русского народного хозяйства, при чем министр иностранных дел заявил, что с точки зрения его ведомства заключение договора весьма желательно, ибо „обостренность экономических интересов между государствами отражается нередко и на политических делах“. Главноуправляющий торговым мореплаванием также находил, что „нам следует принять минимальные ставки, так как при особых обстоятельствах переживаемого нами времени нельзя пренебрегать политической поддержкой Германии“. Эту последнюю точку зрения особенно полно и ярко развил министр внутренних дел Плеве, который категорически высказался за уступку по соображениям внутренней политики. По мнению Плеве, в интересах его ведомства, пользующегося предупредительной внимательностью германского правительства, в вопросах „связанных с охраной исконных начал нашей государственной и общественной жизни“, всякий шаг, могущий благоприятно влиять на политические отношения между Россией и Германией, представляется желательным, а таким шагом, при данных обстоятельствах, несомненно, явится скорейшее заключение торгового договора с Германией.

Но если такая циничная точка зрения не может не вызывать ничего, кроме негодования, тем нн менее нельзя не согласиться с основательностью заявления министра иностранных дел, потому что вслед за войной с Японией Россия была не способна не только на ведение какой либо новой войны, но даже и к производству мобилизации армии, ибо армию буквально не во что было одеть. В силу этого переговоры с Германией пошли быстрым темпом и закончились заключением нового, крайне тяжелого для России, торгового договора на срок по конец 1917 года.

Эта экономическая победа Германии явилась одним из частичных ее успехов на поприще завоевания рынков.

Одновременно с этим германия развивала свою армию, создавала могучие военный и коммерческие флоты и резко обнаруживала свои политические цели на Ближнем Востоке.

Последнее выразилось в путешествии Императора Вильгельма II в Константинополь и Палестину, в соглашении Германии с Турцией о реорганизации ее армии немецкими инструкторами и в заключении договора о постройке Багдадской железной дороги.

Последний акт являлся явно угрожающим Великобританским интересам, ибо путь Берлин — Багдад с ветвями допускал безопасную от английского флота переброску германских войск в Сирию, Палестину и Месопотамию с целью нанесения ударов по Египту и Индии.

Дальнейшая германская политика на Балканском полуострове выразилась в закреплении своэго влияния в Турции, посредством младотурецкого переворота и свержения султана Абдул-Гамида (1909 г.) и присоединении Боснии и Герцоговины к Австро-Венгерской монархии (1910 г.).

Кроме Балканского полуострова и Азиатской Турции, Германия в тот же период вела политику захватов колоний и угольных станций в Восточной Азии, Австралии и, главным образом, в Африке.

Стремясь подчинить своему экономическому влиянию возможно более обширные и богатые области в Африке, Германия усиленно вела постройку трансафриканских железных дорог (Индейский Океан—Гвинейский залив), приобрела часть французского Конго, распространила свое влияние на португальскую колонию Анголу, обнаружила стремление овладеть частью бельгийского Конго (область Катанга) и резко возбудила вопрос о своем влиянии в Марокко, домогаясь получить там угольную станцию и коммерческий порт с целью эксплоатации богатых железных и медных рудников.

Вся африканская политика Германии приводила к столкновению ее интересов с интересами Великобритании и Франции.

Что же толкало Германию на политику, неизбежно приводившую к жестокой вооруженной борьбе? — Экономические интересы, созданные ростом германской промышленности.

Теперь посмотрим, каковы были экономические интересы Германии.

Германская Империя в 1914 году в своих европейских владениях занимала около 200 т. кв. миль и имела в колониях около 1 милл. кв. миль. Для того, чтобы судить об относительной величине этой площади колоний по сравнению с метрополией, надо принять во внимание, что в 1914 году пространство колоний превышало пространство ее:

у Великобритании	в	94 раза,
„ Бельгии	„	80 раз,
„ Нидерландов	„	60 раз,
„ Франции	„	23 раза,
„ Италии	„	5,3 раза,

а у Германии, промышленность которой развивалась интенсивнее, чем в других странах,—пространство колоний превышало пространство метрополии всего в 4,8 раза. Как увидим далее, площадь эта для германской промышленности оказалась совершенно недостаточной и явилась одним из факторов, определивших направление германской внешней политики.

Население Германской Империи со времени ее образования обнаружило необычайный естественный прирост, а именно в 1871 году оно исчислялось в 41 милл. жителей, а по данным переписи 1910 года значилось уже более 65 милл. человек. Иначе говоря, прирост за 40 лет дал 58%. По сравнению же со странами конкурентками, прирост населения Германии за последние 15 лет перед мировой войной дал еще более показательные цифры. В этот период времени ежегодный прирост населения Германии достигал 843 т. человек, тогда как в Великобритании он равнялся всего 323 т. чел., а во Франции—едва 46 т. человек.

Кроме того, в движении населения Германии замечалось явление исключительное по своей оригинальности: в то время, как во всех странах эмиграция делала свое отрицательное дело, в Германии имиграция превышала эмиграцию в последнее перед войной пятилетие на 52 т. чел. в год, а в предыдущее пятилетие — на 94 т. чел. в год. Об'яснение

этого явления лежит в интенсивном развитии германской промышленности, пред'являвшей огромный спрос на рабочие руки.

То же развитие обрабатывающей промышленности сказалось и на перегруппировке населения Германии в течение последних 35 лет. В 1871 году сельское население составляло около $^2/_3$ всего населения страны, а к 1905 году численность его упала до 42,6%, тогда как численность городского населения за тот же промежуток времени возрасла с $^1/_3$ общей численности до 57,4% всего населения.

Наконец, из 65 милл. населения Германии 37 милл. находили себе заработок в торговле, промышленности и транспорте, что указывает на сильную индустриализацию страны.

Для характеристики роста германской промышленности остановимся на некоторых важнейших отраслях производства:

Добыча каменного угля составляла (в 1000 тонн):

Годы.	Германия.	Великобр.	Франция.	Соед. Штаты.
1890	89,921	184,529	26,084	143,127
1911	234,521	276,255	39,230	450,165

Таким образом, Германия, после Соединенных Штатов Америки и Великобритании, являлась наиболее крупной производительницей угля. Если оставить в стороне Соединенные Штаты, то *по своему росту* угольная промышленность Германии опередила не только угольную промышленность Франции, но и Великобритании. В то время, как в этой последней, добыча угля увеличилась на 49%, в Германии это увеличение составляло 162%.

То же явление наблюдалось и в области производства чугуна, железа и стали.

Производство *чугуна* составляло (в 1000 тонн).

Годы.	Германия.	Великобр.	Франция.	Соед. Штаты.
1890	4,658	8,031	1,962	9,350
1912	17,853	10,033	4,872	30,203.

В Германии производство увеличилось в 3 раза, в Соединенных Штатах — немного менее, чем в три раза, во

Франции более, чем в два раза, в Великобритании всего лишь на 25%. И по абсолютному количеству Германия производила чугуна более, чем Англия и Франция, вместе взятые.

Производство железа и стали составляло: (1000 клгр):

Годы.	Германия.	Великобр.	Франция.	Соед. Штаты.
1890	3,80	5,30	1,41	4,13
1911	14,56	7,88	3,22	24,06.

Здесь успехи Германии еще более поразительны. В течение 20 лет Германия не только опередила Англию, занимавшую первое место по производству железа и стали, но еще развила это производство до размеров, вдвое превосходящих производство Англии.

Для характеристики успехов Германии в области крупной промышленности интересно еще рассмотреть развитие электротехнической и химической отраслей производства, которые имеют важное значение для развития многих других отраслей промышленности.

Еще в 1891 году сумма всего производства в электротехнической промышленности Германии составляла 45 миллионов марок; к 1899 году она уже увеличилась в 5 раз. Количество рабочих, занятых в этой промышленности, увеличилось с 54.400 чел. в 1898 году до 100.000 чел. в 1907 г.

В химической промышленности число предприятий увеличилось с 4.464 в 1888 году до 7.727 в 1907 году; число занятых в них рабочих — с 85.143 до 165.434 чел.

Такое развитие производства было возможно, помимо иных условий, благодаря сильному повышению производительности промышленного труда.

В производстве чугуна количество, производимое одним рабочим, в 1 год, увеличилось с 100 тонн в 1872 году до 295 тонн в 1906 году; в железоделательной промышленности—с 12 тонн литого железа в 1871 г. до 24,1 тонн в 1907 г., в добыче каменного угля—с 192 тонн в 1874/76 г. г. до 264 тонн в 1907 г., в добывании железа за этот же промежуток времени с 192 до 554.

Колоссальный рост промышленной деятельности в Германии, вскормленный покровительственными таможенными пошлинами, вызвал два рода явлений, имевших первостепенное значение для германской мировой политики: сильный рост внешней торговли и значительное накопление капиталов.

За 30 лет, с 1880 по 1910 гг., обороты германской внешней торговли увеличились почти втрое: с 5.821,0 милл. марок до 16.954,2 милл. марок. При этом характерной чертой германской внешней торговли является пассивный торговый баланс. В 1880 году превышение вывоза над ввозом составляло 132,4 милл. марок, а в 1910 году, наоборот, ввоз превышал вывоз на 1.665,8 милл. марок. Таким образом, Германия из страны вывозящей превратилась в страну ввозящую.

В частности обороты Германской внешней торговли слагались так:

	Ввоз.	Вывоз.	Превышение ввоза (—) или вывоза (+).
	в миллионах марок:		
Сырье и полуфабрикаты для промышленных целей:			
1880 г.	1.364,2	774,5	— 589,7
1910 г.	5.083,3	1.918,2	—3.165,1
Продукты сельского хозяйства, животноводства и скот:			
1880 г.	927,1	656,3	— 267,8
1910 г.	2.482,9	761,0	—1.721,9
Готовые продукты:			
1880 г.	515,2	1,492,6	+ 977,4
1910 г.	1.367,9	4,795,5	+3.427,6

Как видно из этой таблицы, в 1910 г. превышение ввоза над вывозом в $1^1/_2$ миллиарда марок об‘ясняется чрезвычайным ввозом сырья, необходимого для промышленных целей, и с‘естных припасов. По мере развития промышленности и по мере роста городского населения за счет сельского должен был расти и ввоз с‘естных припасов. Это

неизбежный результат промышленного развития, которому подверглись в свое время, ранее Германии, Англия и Бельгия.

В то же время развитие промышленной деятельности вызывает и сильный рост ввоза сырья. В 1880 году превышение ввоза сырья над вывозом составляло немного более $^1/_2$ миллиарда марок; в 1910 году оно превысило 3 миллиарда, а весь ввоз достиг 5 миллиардов, почти равняясь сумме вывоза готовых фабрикатов и с'естных продуктов.

Однажды Каприви, преемник Бисмарка на посту имперского канцлера, заявил в рейхстаге о том, что Германии приходится выбирать между вывозом людей и вывозом товаров. Германская торговая политика пошла по второму пути. Экспорт товаров стал предметом усиленных забот государственных деятелей. Вывоз людей почти прекратился; вывоз товаров достиг огромных размеров, но еще больших размеров достиг ввоз. Перед германским народным хозяйством стала новая задача — удешевить ввоз путем широкого развития своего торгового флота и расширить вывоз путем присоединения к вывозу товаров вывоза капиталов. В результате пассивный торговый баланс должен был быть исправленным расчетным балансом.

Развитие торгового флота пошло весьма успешно. Общее количество коммерческих судов увеличилось с 1871 г. по 1910 г. с 4.519 только до 4.658, но их вместимость увеличилась с 982,355 тонн до 2.859,307 тонн; число коммерческих пароходов увеличилось за это время более чем в 11 раз,—с 147 до 1950, а их вместимость—с 819.000 тонн до 2.349,000 тонн т. е. почти в три раза. Число пароходов, посетивших германские гавани, под германским флагом, увеличилось с 60,342 с вместимостью в 5,9 милл. тонн в 1873 г. до 166,265 с вместимостью в 31,1 милл. тонн в 1910 г. В 1897 году общая стоимость германского торгового флота уже составляла около 300 милл. марок, а в 1905 году дошла до 810 милл. Рост мирового торгового флота Германии почти в четыре раза превысил рост ее населения. Занимая в 1874 году четвертое место по величине своего флота в ряду других держав (после Англии, Америки

и Франции), в 1908 году Германия стала на второе место, опередив и Францию, и Соединенные Штаты.

Однако, хотя развитие торгового флота и удешевило ввоз, но, с другой стороны, оно же, усилив вывоз фабрикатов, еще более усилило ввоз сырья, необходимого для их производства, и оставило торговый баланс все-таки неблагоприятным. Для парализования этого явления помог вывоз капиталов.

Народный доход в Германии увеличился с 1895 г. по 1907 г. с 25,8 до 42 миллиардов марок, при чем рост доходов обогнал рост населения. С 1895 по 1907 год население возрастало ежегодно в среднем на 1,6%, а народный доход—на 5,1%. Рост народного дохода, превышая рост населения, создал значительную концентрацию капиталов. Свободные капиталы значительной массы населения стали увеличиваться. Число сберегательных книжек возросло в $3^1/_2$ раза; общая же сумма вкладов по всей Империи увеличилась с 8,8 до 19,5 миллиардов марок. Количество вкладов в банках возросло с 498 милл. марок в 1893 г. до 3,2 миллиардов в 1910 г., т. е. за 18 лет увеличилось в $6^1/_2$ раз.

Количество банков возросло за 25 лет с 71 до 165; акционерный их капитал с 724 милл. марок до 2,7 миллиардов марок. Параллельно усилилась концентрация банкового дела, народились банковые группы—консерны.

Увеличение народного богатства к 1907 году до 350 миллиардов марок, накопление денежного капитала, широкое развитие и концентрация банкового дела расширили германский денежный рынок и увеличили размер ищущего помещения в ценных бумагах свободного капитала. Германский денежный рынок, еще так недавно сам испытывавший нужду в свободных капиталах, постепенно все более превращался в кредитора.

Так, общая стоимость ценных бумаг, допущенных к котировке в период с 1897 по 1911 г., достигла суммы в 76,3 миллиардов марок. Общая сумма эмиссий за 15 лет (с 1898 по 1912) составляла около $34^1/_2$ миллиардов марок.

В общем, размер капитала, помещенного в ценных бумагах, дошел перед войной до 60 миллиардов марок, т. е. до одной шестой стоимости всего национального имущества Германии.

Германия постепенно превращалась в государство рантье. Денежный капитал стал играть в ее народном хозяйстве чрезвычайно крупную роль.

Такое сильно накопление капиталов, искавших помещения для накопления доходов в виде процентов, и создало наряду с развитием промышленности и торговли, ту благоприятную почву, на которой развилось господство финансового капитала. Последнее не могло не отразиться на всей экономической (внутренней и внешней) политике Германии и заставило ее правительство выступить на путь искания внешних рынков для сбыта произведений германской индустрии.

Насколько важен был для Германии вопрос о рынках можно заключить уже по одному тому, что: а) вывоз в европейские страны, к числу которых причислялась и Россия, но не причислялись Балканские государства, составлял от 75% до 85% всего вывоза Германии и б) вывоз в европейские страны из Германии постепенно сокращался, вследствие возгоревшейся таможенной войны.

Чтобы составить себе ясное представление о тех перспективах, которые открывались перед германским капиталом в последние перед мировой войной годы, необходимо проследить движение германского вывоза за известный период времени, предшествовавший этой войне.

Вывоз из Германии в европейские страны (кроме Балканских) за период 1892—1911 г.г. т. е. за 20 лет, сократился на 11,7%. За тот же промежуток времени вывоз из Германии, Австро-Венгрии и Англии в Балканские страны дал следующие результаты (увеличение + и уменьшение —):

	В Болгарию.	В Грецию.	В Румынию.	В Сербию.
Из Германии .	+ 190%	+ 72%	+ 31%	+ 28,5%
„ Австрии . .	+ 25%	+ 34%	— 3%	+ 10%
„ Англии . .	+ 35%	+ 0,6%	— 21%	

Несколько другую картину представляет за тот же период движение вывоза из Германии, Англии и Франции и

Северо-Американских Соединенных Штатов в южно-американские страны, а именно: (увеличение +, уменьшение —):

	В Аргентину.	В Чили.	В Бразилию.	В Мексику.
Из Германии .	+ 349%	+ 327%	+ 55%	+ 700%
„ Англии . .	+ 273%	+ 327%	+ 232%	+ 400%
„ Франции . .	+ 300%	—	+ 159%	+ 340%
„ Соед. Штат.	+ 388%	+ 575%	+ 73%	+ 2000%

Эта таблица показывает, что несмотря на огромный рост Германского вывоза в южно-американские страны, рост вывоза из Соединенных Штатов еще более колоссален и эта конкуренция никаких розовых перспектив для Германии не обещала.

Наконец, вывоз из Германии, Англии, Японии и Соединенных Штатов в азиатские страны дал за этот же период (1892 — 1911 г.г.) такую картину (увеличение + уменьшение —):

	В Японию.	В Китай.
Из Германии	+ 373%	—
„ Англии	+ 171%	+ 151%
„ Японии	—	+ 450%
„ Соед. Штат.	+ 627%	+ 337%

И здесь, как видно, рост Германского вывоза в Японию значительно уступал росту вывоза из Соединенных Штатов, а ввоз из Германии в Китай, начавший развиваться сравнительно незадолго до мировой войны, к 1911 году составлял только 4% всего иностранного ввоза в Китай.

Таким образом, за 20-ти летний период 1892—1911 г.г. вывоз из Германии в европейские страны сократился по отношению к общей сумме ее вывоза, вывоз в южно-американские и азиатские страны хотя и значительно возрос, но приобрел страшно опасного конкурента в вывозе из Соединенных Штатов и только в балканских странах германский капитал утвердился совершенно прочно и без опасной конкурренции со стороны других государств.

Такие перспективы на мировом рынке естественно не могли удовлетворить Германию, в которой громко раздава-

лись голоса, что „мы должны ввозить для того, чтобы существовать и питаться; мы должны вывозить для того, чтобы иметь возможность ввозить“.

Если иностранные рынки не давались дипломатическим путем, то оставалось или взять их силою, или отказаться от дальнейшего экономического развития. Для применения силы необходимо было иметь соответствующий аппарат (армию и флот). Его состояние в Германии было превосходно, и Германия избрала решение вопроса силою.

Оставалось определить время борьбы. В 1914 году германская программа по развитию вооруженных сил заканчивалась. Заканчивались такие же программы и в Великобритании, и во Франции. В России в 1913 году было приступлено к осуществлению так называемой „малой“, но очень существенной программы (постройка новых артиллерийских заводов и снаряжательных мастерских), а в 1914 году (в мае) в Государственной Думе прошла „большая“ программа по усилению армии и флота, срок исполнения которой намечался на 1916 год.

Откладывать разрыв для Германии было невыгодно и, как следствие этого, явилось Сараевское происшествие, послужившее искрою, которая вызвала мировой пожар.

Таковы были причины, которые привели Германию к войне. Они были чисто экономическими (борьба за рынки).

Для Великобритании война являлась продолжением политического состязания с Германией за рынки. Причины этого соперничества были столь серьезны, что борьба должна была возгореться и вестись до полного разгрома одного из противников.

Столь же серьезны были причины и для Франции. Экономическая политика Германии грозила ей едва ли не более ужасными последствиями, чем Великобритании. Помимо полного разгрома, низведения на степень второстепенной державы и отнятия колоний, Франция могла еще ожидать потери богатых металлами провинций Лонгви и Нанси. Нейтралитет не спасал Францию. В случае победы

Германии над Великобританией очередной разгром ожидал Францию.

Германия с одной стороны и Великобритания и Франция с другой были главными ядрами враждебных коалиций; они вели войну в своих интересах, а интересы всех остальных государств обеих коалиций являлись приемлемыми постольку, поскольку они не противоречили интересам этих главных борцов.

На стороне Германии пошли Австро-Венгрия, Турция и Болгария; в согласии с Великобританией и Францией — Россия[1]), Италия, Бельгия, Сербия, Черногория, Япония и Соединенные Штаты Северной Америки.

Экономическое положение Австро-Венгрии, а также и других стран союза Центральных Держав (Турции и Болгарии) не требовало вмешательства в войну. Но тут были причины национального характера, тесно связанные с экономическими.

Естественный ход исторических событий в течение XIX века превратил Австрию из Священной Римской Империи в конгломерат различных народов, связанных между собою только личностью Императора и искусною политикою правительства.

Эта „лоскутная“ монархия, с господством немцев и венгров, но с преобладанием в населении славянского элемента, не могла относиться равнодушно к образованию в соседстве с нею таких жизнеспособных центров, которые вызывали в славянском элементе Австро-Венгрии центробежные стремления. Последние угрожали этой монархии не только экономическими невыгодами, но и прямым распадом.

Таких центров около Австро-Венгрии было два: Сербия и Россия. Уничтожить самостоятельность Сербии и ослабить Россию путем расчленения ее на ряд сравнительно небольших славянских государств—стало заветной мечтою австро-венгерских политиков.

Добиться этой цели одним своими средствами для Австро-Венгрии было невозможно. Возможность являлась

---

[1]) Факт об‘явления Германией войны в первую голову России вызывался чисто политическими соображениями и не имеет абсолютно никакого отношения к причинам войны.

только при действиях в союзе с Германией, и Австро-Венгрия вступила в этот союз.

Турция давно уже утратила способность к существованию без посторонней поддержки и сделалась ареною борьбы притязаний различных европейских государств.

Господствовавшее в начале XIX века в Константинополе французское влияние сменилось английским, а в начале XX века, после путешествия Императора Вильгельма II на Восток, Турция подпала под германское влияние.

В 1909 году Великобритания сделала попытку восстановить свое влияние путем разгрома германофильской партии младотурков, но дело это кончилось полною неудачею, и германское влияние еще более утвердилось на Босфоре.

Живя под чужим покровительством, Турция, естественно, творила волю своего патрона и связывала свою судьбу с его судьбой.

Болгария, находившаяся со времени переворота Александра Баттенбергского (1884 г.) под влиянием Австро-Венгрии, в XX веке как будто начала более склоняться опять в сторону России и в 1912 году, не без влияния последней, вступила в союз балканских государств, направленный к окончательному вытеснению Турции из Европы.

Победоносная Балкано-Турецкая война 1912 года закончилась ожесточенной войной между союзниками, в результате чего разбитая Болгария затаила жажду реванша против Сербии и Румынии и злобу против незащитившей ее России. Это обстоятельство бросило Болгарию в об'ятия врагов Сербии и России, т. е. в об'ятия Германии.

Так сложился союз Центральных Держав.

Теперь посмотрим какие причины привели к участию в мировой войне различные государства, связавшие свою судьбу с Великобританией и Францией.

Сербия, увеличившая в 1912 году вдвое свою территорию, но ослабленная Балканскою войною, не имела никаких причин стремиться к войне, но она, к несчастью для нее, лежала на пути Берлин-Багдад и Германии необходимо было смести ее с этого пути; кроме того, как уже указано, она являлась одним из центров, нарушавших покой славян Австро-Венгерской монархии.

Таким образом, Сербия явилась жертвою германской мировой политики.

Бельгия, нейтралитет которой был обеспечен международным договором 1830 года, под угрозою германской политики в Африке (домогательство получить Катангу) несла свои симпатии в сторону держав „согласия“, которое одно могло оградить ее интересы от германских покушений. Но это государство выступило только тогда, когда его нейтралитет был грубо нарушен вторжением германских войск.

Италия, избравшая сначала путь нейтралитета, на который соглашалась и ее бывшая союзница Германия[1]), была вынуждена вступить в союз с державами „согласия“ отчасти под экономическим давлением их, отчасти под давлением своих национальных партий.

Япония имела причины вмешаться в войну в целях устранения германской конкуренции на Дальнем Востоке.

Наконец, Соединенные Штаты Америки, долгое время занимавшие позицию нейтралитета, выступили только тогда, когда главные враги настолько ослабели, что их экономическая мощь уже не могла угрожать экономическим интересам Соединенных Штатов и когда для этих интересов стало выгодным прекращение войны.

Какие же причины заставили Россию принять участие в войне, да еще на стороне держав „согласия“.

Союз России с Германией устранил бы возможность мировой войны, потому что Великобритания и Франция против Германии и России не рискнули бы на войну, так как не имели бы никаких шансов на успех.

Но если бы, тем не менее, возгорелась война, то при этой группировке:

1) Блокада германской группы была бы для держав „согласия“ невозможной,

2) Балтийский флот усилил бы Германский флот, а Черноморский флот обеспечил бы вход в Мраморное море,

---

[1]) Бывшая союзница Германии Италия, по договору, обязана была поддерживать ее вооруженною силою в случае об'явления кем-либо войны Германии, но не в обратном случае (Германия сама об'явила войну России). Нейтралитет Италии давал Германии большие выгоды, ибо через Италию Германия могла сохранять сношения с внешним миром.

3) Сухопутные силы России направились бы в Персию (против Индии) и в Манчжурию (против Японии) с целью приобретения единственно возможных рынков для русской промышленности,

4) Польские и армянские области остались бы неотторгнутыми от России, ибо восстановление Польши и Армении не входило в Германскую программу и

5) Босфор и Дарданеллы открылись бы для России, как для союзника.

И тем не менее война, *даже и в союзе с Германией*, т. е. в союзе, обещавшем наибольшие выгоды, все-таки не была в интересах России.

Глубокие причины требовали нейтралитета России, и сто раз был прав Император Александр III, занявший в 1883 году изолированное положение с свободными руками.

Эти причины были следующие:

1) внутреннее состояние России требовало неотложных и радикальных реформ в смысле широкой демократизации государственного строя и повышения культурного развития страны,

2) нейтралитет обещал выгодный для России *пересмотр торгового договора с Германией*, т. е. выход русского народа из германского засилья, ибо нейтралитет России давал Германии много других колоссальных преимуществ и прежде всего избавление от блокады союзников „согласия“,

3) нейтралитет отвечал требованиям национальных интересов России, так как над разложением Австро-Венгрии работало время и оно заработало бы еще интенсивнее после проведения в России необходимых коренных реформ,

4) вопрос „*о проливах*“ (Босфор и Дарданеллы) получал при нейтралитете тоже надежду на благоприятное разрешение, потому что при всеобщем ослаблении в борьбе можно было рассчитывать на существенные уступки.

Тем менее было в интересах России участие в мировой войне в союзе с Великобританией и Францией, ибо *эта комбинация не только лишала Россию возможности получить какие-либо выгоды, но еще на-*

носила ущерб интересам России, а именно, она была связана:

1) с потерею Польши и некоторым ограничением в отношении армянских областей,

2) с потерею надежды на получение рынков Персии и Дальнего Востока—единственных, где произведения русской промышленности еще выдерживали конкуренцию с произведениями других стран, и

3) с неизбежностью англо-французской экономической кабалы, так как даже победоносная война вызывала колоссальное экономическое истощение России, вследствие которого последней пришлось бы заключить такие торговые договоры с „союзниками", перед которыми побледнели бы все „ужасы" русско-германского торгового договора 1906 года.

И тем не менее Россия втянулась в мировую войну, при чем причина такого решения заключалась в униженном национальном самолюбии, явившемся результатом нашей ошибочной политики на Ближнем Востоке.

Самолюбие русского народа было так глубоко оскорблено неоднократными неудачами указанной политики, что оно затемнило рассудок народа и его правительства.

Правда, среди последнего (вернее в среде Государственного Совета) нашлись два лица — граф С. Ю. Витте и П. Н. Дурново, разум которых не оказался затуманенным и которые разновременно представили верховной власти в форме особых „записок" свои соображения о правильности русской внешней политики и тех последствиях, которые ожидают Россию в случае ее участия в мировой войне в союзе с Великобританией. Записка П. Н. Дурново, в этом отношении представляет удивительный прогноз всех перепетий мировой войны и всех последствий, ныне переживаемых и Россиею, и Западною Европою.

Но „если Бог хочет наказать, так отнимет разум",— говорит русская пословица, и разум был отнят..... Россия втянулась в войну.

II.

Что такое война? Требования, пред'являемые войною к народному хозяйству. Вооруженные силы. Зависимость их от качества населения страны. Значение взаимного доверия между правительством и народом для качества вооруженной силы и для экономического напряжения народных сил.

Война есть величайшее бедствие, возникающее, когда один народ или группа народов, преследуя экономические цели и, что значительно реже, политические цели, решается взяться за оружие, чтобы силою навязать свою волю другому народу или группе других народов.

Война ведется не только армией и флотом, но всем народом с полным напряжением всех сил и средств, дабы удовлетворить в полной мере всем требованиям войны. Экономия в силах и средствах на войну всегда приводит к гибельным последствиям.

На войне „общие причины“,—как говорит Жомини,—„решают судьбу государства и определяют большую или меньшую важность победы или поражения“. Монтескье (Ch. Montesquieu.-De la qrandeur et de la décadence des Romains) определяет значение общих причин на исход борьбы следующим образом: „Духовные и материальные причины общего характера действуют на возвышение, преуспеяние и падение каждого государства; все явления государственной жизни подчинены этим причинам и если проигранное сражение, т. е. явление частное, имело следствием гибель государства, то можно быть уверенным, что существовала общая причина, которая обусловливала в данном случае падение государства“. Еще более резко выражает ту же самую мысль Прудон (Prudhon.-La guerre et la paix). „Победа должна всегда принадлежать народу более сильному, деятельному, трудолюбивому, талантливому, способному к самоуправлению, одаренному государственно-политическими способностями; если же победа благодаря искусному фокусу окажется не на стороне силы, то она является насилием над естественным порядком вещей и победитель рано или поздно получит должное возмездие“.

Конечный исход войн, веденных Аннибалом и Наполеоном, несмотря на все блестящие победы, одержанные этими величайшими полководцами, служит доказательством непреодолимого значения этих экономических причин.

Война берет от народа не столько, сколько он дает, а сколько он в силах дать.

Поэтому она захватывает народную жизнь до самой большой глубины, и нет ни одной отрасли этой жизни, которую не затрагивала бы война.

Вместе с тем война является грозным испытанием прочности и эластичности нитей, связывающих все составные элементы государства, а в том числе и вооруженную силу, с властью, и горе тому государству, у которого ко времени войны власть и народ не представляют тесно сплетенного клубка; такое государство не может выдержать серьезного испытания и рискует тяжелыми последствиями.

Влияние войны на народную жизнь, в частности на экономическое положение страны, выражается в изменениях условий: 1) труда, 2) производства, 3) транспорта, 4) кредита, 5) внутренней торговли, 6) внешней торговли и 7) денежного обращения. Все эти изменения являются следствием повелительных требований войны, таких требований, которые должны быть удовлетворены во что бы то ни стало, не взирая на разрушительное их значение для народного хозяйства.

Первым и главнейшим требованием войны к народу является требование вооруженной силы.

Как велики были требования, пред'явленные великой мировой войной к участвовавшим в ней странам в отношении количества вооруженной силы, мы еще не имеем определенных данных. Но, принимая во внимание, во первых, что, в 1917 году в русских войсках (сухопутных и морских) состояло на довольствии около 18 миллионов человек, во вторых, что наши союзники (Франция, Великобритания, Италия, Бельгия, Япония, Сербия, Черногория, Румыния и Северо-Американские Соединенные Штаты) содержали в том же году под знаменами не менее 36 миллионов человек, в третьих, что союз центральных империй для борьбы против этих 54—55 миллионов должен был

иметь под ружьем не менее 40—45 миллионов человек, мы встречаемся впервые в истории мира с колоссальною цифрою 100 миллионов человек, выставленных народами в поле и в море для отстаивания своих экономических интересов, для навязывания враждебной стороне своей непреклонной воли.

При таком развитии численности вооруженной силы качество ее зависит прежде всего от качества того материала, который может дать народ на укомплектование армии, и затем от способа выбора этого материала в армию.

Материалом является человек, обладающий качествами: нравственными, умственными и физическими. Сравнительное значение этих качеств для бойца далеко не одинаково, ибо человек может быть отлично развит умственно и обладать огромной физической силой, но если он в то же время будет трусом, или вообще не будет обладать твердостью воли, то удовлетворительным бойцом он быть не может. Обратно, человек слабо развитый умственно и хилый физически, но проникнутый железной волею, не только будет способен сам на величайшие подвиги, но и других увлечет своим примером.

Контингент отличного качества и в особенности проникнутый преданностью интересам своего народа и самоотвержением может дать только народ, довольный условиями своей жизни и питающий полное доверие к власти.

Довольство условиями жизни и доверие к власти способствуют правильной постановке воспитания в семье и в школе и созданию в них здоровой для воспитания молодежи атмосферы.

Школа знакомит своего питомца с прошлым и настоящим своего народа, с его идеалами и заветными стремлениями; она дисциплинирует ум и волю, внедряет в молодежь понятие о правах и обязанностях человека и гражданина, и, наконец, она развивает умственно и физически. Но здоровая атмосфера в школе может царить только при довольстве народа условиями своей жизни и при доверии народа к власти. Народ, живущий в бедности, не будет дорожить создавшимися условиями своего существования и не будет развивать привязанности к ним в среде своей молодежи. Рав-

ным образом, народ, недоверяющий своему правительству, не будет в состоянии создать здоровой атмосферы в школе. При недоверии к правительству учитель—ставленник последнего всегда встретит открытую или скрытую враждебность со стороны общества и обратно, учитель-ставленник общества будет заведомо неприемлемым для правительства.

Отличные примеры той или иной постановки школы дают Германия и Россия в период, предшествовавший великой мировой войне. Германия, благодаря взаимному доверию, существовавшему между правительством и народом, сумела создать образцовые школы всех категорий и дать народу наибольшее количество таких школ. Более того, будучи государством, наиболее пропитанным милитаризмом, она тем не менее сумела выделять из своего бюджета на культурные цели сравнительно больший процент, чем все остальные государства Европы. Обратно, Россия, в которой вследствие упорного сохранения самодержавия развилась враждебность между правительством и обществом, не смогла не только создать здоровой атмосферы в школе, но не смогла создать и нужного количества школ из за недостатка учителей. И если германская школа дала возможность своему народу в период тяжких испытаний войны довести энергию до последнего напряжения, то надо признаться, что русская школа, не развившая в народе ни сознания своих интересов, ни чувства долга, не оказала никакого положительного влияния на нравственную выносливость народа. и последний сдал в напряжении энергии значительно раньше, чем были исчерпаны все силы и средства для борьбы.

Способ выбора материала, поступающего на пополнение вооруженной силы, зависит от условий, в которых приходится жить и развиваться данному народу, и от тех задач, которые преследуются его политикой, Таких способов выбора материала, или, как принято говорить, систем комплектования вооруженной силы, существует два: 1) всеобщая воинская повинность, превращающаяся при наибольшем своем развитии в милиционную систему, и 2) вербовка, т. е. пополнение армии путем найма добровольцев.

Военная история, с древнейших времен и до наших дней, показывает, что великие задачи, связанные с самим

существованием народов, всегда решались армиями, комплектовавшимися по всеобщей воинской повинности. И если некоторые государства (Великобритания, Северо-Американские Соединенные Штаты) в силу особых условий в обыкновенное время и удовлетворялись службою вербованных армий, то, приступая к разрешению великих мировых задач, и эти государства были вынуждены обратиться ко всеобщей воинской повинности, да еще в ее чистейшей форме—в форме милиции.

III.

Влияние войны на условия труда, на орудия и средства производства и на пользование землею в России.

Мобилизация армии и ее пополнение во время войны прежде всего пред'явили к населению страны требование на людей, как на главный элемент вооруженной силы.

В России это требование выразилось в призыве в 1914 году запасных для мобилизации армии, в призывах в 1914 году и в последующих годах запасных и ратников ополчения для пополнения убыли в рядах армии и для развития вооруженных сил, и в досрочном призыве новобранцев для тех же целей.

Первоначально при мобилизации армии в России было призвано в армию до $6^1/_2$ милл. человек. К весне 1915 года эта цифра увеличилась до $8^1/_2$ мил., к весне 1916 г.—до 15 мил., и к весне 1917 г.—до 18 мил. человек.

Эти 18 милл. человек, состоявшие на довольствии в 1917 году, не исчерпывают всей цифры выставленного населением России контингента для военных целей. Сюда надо прибавить: 1) всех убитых в течение трех лет войны, 2) всех, попавших за тот же период в плен к неприятелю и 3) всех уволенных за полной неспособностью к службе, вследствие полученных в боях увечий. К сожалению в настоящее время мы еще не располагаем необходимыми данными для определения цифр этой убыли. Но и этим еще не исчерпывается вся масса лиц, наиболее работоспособного возраста, отвлеченных войною от производительного труда русского народа; нужно не забывать, что помимо зачисления

в войска, население театра войны постоянно привлекалось: для несения подводной повинности, для исправления существовавших и для постройки новых дорог, для постройки окопов и других сооружений. Наконец, занятие неприятелем территории Царства Польского и губерний Западного Края с населением около 21.700.000 человек еще более понизило численность категории лиц, оставшихся в России свободными для производственного труда.

Таким образом, война прежде всего наложила свою тяжелую руку на условия труда путем отвлечения от последнего массы трудоспособных лиц. Эта убыль была возмещена привлечением к труду женщин, стариков и подростков с одной стороны и беженцев, военно-пленных и китайцев с другой. Но нельзя забывать, во первых, что женщины, старики и подростки были не во всех крестьянских хозяйствах, во вторых, что труд этих категорий в качественном отношении должен был уступать труду лиц, привлеченных в армию, в третьих, что беженцев, военнопленных и китайцев всего было привлечено к труду около 3 милл. челов, и в четвертых, что качество труда военнопленных, как принудительного, и китайцев, как не знакомых с русским языком, конечно, тоже должно было быть значительно ниже.

Но одновременно с понижением качества труда вследствие отвлечения наиболее работоспособного элемента в армию, произошло и повышение производительности и качества труда оставшихся в стране рабочих сил, вследствие прекращения пьянства. Прекращение казенной продажи питей заметным образом увеличило сумму производительного труда в хозяйстве. В деревне многие крестьяне, отбившиеся из за пьянства от дома, стали заниматься своим хозяйством и работать. Другие, бывшие плохими работниками, начали усердно трудиться. Все работы исполнялись ими своевременно, в их хозяйствах наблюдалось улучшение сельско-хозяйственного инвентаря, а семьи их стали зажиточнее. Горькие пьяницы и бывшие зажиточные хозяева, разорявшиеся на водку, после прекращения продажи водки начали исправлять постройки, покупать скот, проданный раньше, свиней и даже лошадей и сбрую.

Столь же положительное влияние оказало запрещение продажи питей и на производительность труда фабрично-

заводских рабочих. Прекращение пьянства прежде всего повело к полному прекращению похмельных дней после праздников и к сильному сокращению прогулов. Понедельничные прогулы совершенно прекратились; празднование крестьянских праздников с 2—3 дней сократились до одного. Штрафование рабочих за прогулы сократилось в 2—2½ раза. Вместе с тем рабочие стали физически крепче, здоровее и бодрее. Количество заболеваний среди них сильно упало. Здоровый и трезвый человек работал успешнее, скорее и лучше, труд его становился интенсивнее и в единицу времени производил большее количество материальных ценностей; одновременно повысилось и качество работы: она стала более тщательной и качество товара улучшилось. Появилось аккуратное и бережное обращение с материалами, орудиями и машинами, вследствие чего уменьшилась их порча и поломка.

Таким образом, если война, отвлекая в ряды армии массы наиболее трудоспособных работников и заменяя их работниками низших категорий, понизила производительность и качество труда, то закон о воспрещении казенной продажи питей, изданный благодаря той же войне, значительно парализовал это отрицательное влияние войны на условия труда.

Несравненно меньшее влияние война оказала на орудия и средства производства.

В сельском хозяйстве в этом отношении наибольшее значение имели реквизиции лошадей и рогатого скота для нужд армии.

Всего в армию было взято около 1.500.000 лошадей или только около 6% общего их количества в стране. При таком, сравнительно, небольшом из'ятии лошадей из народного хозяйства, реквизиции могли бы пройти почти безболезненно для населения, если бы они не производились так безобразно, как это часто имело место на деле. Во первых, реквизиции лошадей иногда производились перед самым началом полевых работ, во вторых, брались все удовлетворяющие известным требованиям лошади, не считаясь с тем ущербом, который наносился хозяйству, и в третьих, в некоторых случаях брали из хозяйства всех лошадей до последней. Лишь в конце 1915 года, по почину начальства

армий западного фронта, было установлено, что в каждом крестьянском дворе обязательно оставляется пара лошадей, а в крупных хозяйствах по две лошади на каждые 12 десятин посева. Были случаи и особой заботливости, проявленной властями для сохранения коневых средств в видах облегчения восстановления разоренных хозяйств. Так, например, во внутреннем районе Царства Польского, ограниченном на севере линиею р.р. Бобра и Нарева, на западе р. Вислою и на юге р.р. Вепржем и Тысмяницею, начальством северо-западного фронта была допущена к производству лишь одна первоначальная реквизиция лошадей, имевшая место при мобилизации армии. Все прочие коневые средства этого района тщательно сберегались для восстановления разоренных хозяйств пограничного района, но отступление наших армий из Польши, к сожалению, заставило оставить все эти богатейшие средства в руках неприятеля.

Реквизици **рогатого скота** особенно тяжело легли на губернии театра военных действий. Помимо того, что там количество реквизированного скота достигало 50—60% общего наличия, но самые то реквизиции производились еще более безобразным порядком, чем реквизиции лошадей. Во первых, для реквизиции скота в мирное время не существовало особо выработанных правил, каковые действовали для реквизиции лошадей; во вторых, заготовление скота для довольствия войск возлагалось весьма часто на войсковые части, которые в нашей армии всегда отличались жадностью и стремлением заготовить значительно более, чем в действительности требовалось; в третьих, наше интендантство, не подготовленное к снабжению войск мясом, выказало полнейшее неумение организовать содержание реквизированного скота, перевозку его по железным дорогам и передвижение гоном.

В результате, на довольствие войск реквизировался и племенной и молочный скот, вследствие чего была потеря молока и масла и для населения, и для армии; реквизированный скот содержался неумело, без надлежащего ухода и давал весьма значительный падеж. Слабое умственное развитие и неподготовленность интендантских чиновников, наскоро произведенных при мобилизации из писарей, представляли труднопреодолимые затруднения в деле правильной организации пере-

возок скота по железным дорогам и передвижению его гоном. Особенно гибельными последствиями эта неумелость агентов интендантства обнаружилась при отходе наших войск из Польши, когда скот падал и от голода, и от недостатка заблаговременно заготовленного в соответствующих пунктах корма.

Затем, для сельского хозяйства существенное значение имело сильное сокращение внутреннего производства и привоза сельско-хозяйственных машин, особенно уборочных, как-то: косилок, конных грабель, сноповязалок и молотилок; равным образом сказался и недостаток искусственных удобрений; суперфосфаты совершенно исчезли с рынка, вследствие огромного требования на серную кислоту со стороны пороховых заводов.

Наконец, для промышленности большое значение имело сокращение привоза из-за границы сырья, полуфабрикатов и вспомогательных материалов. Кроме того, в виду выяснившегося в стране недостатка топлива и многих сырых материалов, то преимущество, которое отдавалось при их распределении заводам и фабрикам, работавшим на оборону, чувствительно отразилось на тех предприятиях, которые работали на частный спрос. Особое значение имело распределение каменного угля, один из источников которого—Домбровский район был в первые же дни войны захвачен германцами, другой—привоз из Англии—весьма сильно затруднился и почти закрылся; а третий—Донецкий район функционировал неудовлетворительно, вследствие плохого оборудования. Ремонт машин и инвентаря во время войны производился в самых минимальных размерах.

Влияние войны на пользование землею сказалось, помимо занятия неприятелем Царства Польского и Западного края, еще в ликвидации земель неприятельских подданных и выходцев из неприятельских стран. Всего двумя указами, от 2-го февраля и 13-го декабря 1915 года, было предназначено к ликвидации 3.256.033 десятины, из которых 2.950.852 дес. принадлежит выходцам из неприятельских стран и только 305.181 дес. неприятельским подданным. Понятно, что на этих землях, ликвидация которых была предрешена законом, хозяйство сразу упало и посевная площадь значительно сократилась.

IV.

Влияние войны на русскую промышленность: — сельско-хозяйственную, обрабатывающую и добывающую.

Влияние войны на сельско-хозяйственную промышленность сказалось больше всего в сокращении площади посева.

По имеющимся в настоящее время весьма неполным данным, посевные площади озимых (с озимым ячменем) и яровых (с овсом и картофелем) изменились в России за годы войны следующим образом:

	Озимые.	Яровые.	Все хлеба.
1913 г.	35.692.442	67.005.141	102.697.583
1914 г.	34.207.943	65.359.438	99.567.381
1915 г.	29.724.139	58.836.000	88.560.000
1916 г.	25.627.377 [1]).		

Таким образом, по сравнению с 1913 г., посевная площадь в 1914 году сократилась на 3%, а в 1915 г.— на 14%.

Однако, эти приведенные сведения весьма неполны. Некоторые губернии не давали сведений о посеве и урожае вследствие занятия их полностью или частью неприятельскими войсками, другие губернии не давали этих сведений, повидимому, в ожидании такового же их занятия и, наконец, третьи по просту не давали сведений без всяких причин, как например, восточные губернии, Туркестанские и Закавказские области и губернии, а в Европейской России— Архангельская, Ярославская, Орловская, Херсонская, Оренбургская губернии и Терская область. Таким образом лишь часть указанного выше сокращения посевной площади может быть отнесена на расстройство, внесенное войною в экономическую жизнь страны.

Насколько можно судить на основании тех же недостаточных данных, которыми мы располагаем, сокращение

---

[1]) По видимому, без озимого ячменя.

посевных площадей во внутренних губерниях Европейской России произошло вследствие целого ряда причин. Во первых, 1914 год был из неурожайных, а после неурожая посевы, обыкновенно, сокращаются; во вторых, прекращение винокурения сократило посевы картофеля; в третьих, прекращение вывоза в Германию сократило посевы чечевицы и гороха; в четвертых, огромный спрос в армию овса вызвал недостаток семенного овса и привел к сокращению в 1915 г. площади яровых посевов овса с занятием в некоторых местах яровых полей льном, картофелем, клевером и викой; наконец, в южных губерниях сильное влияние на сокращение посевов имела принудительная ликвидация земель колонистов. Но главною причиною недосева является, несомненно, недостаток рабочих рук.

По данным, относящимся к 1900 году, 80% населения русской деревни составляло избыточную рабочую силу, уходившую на обработку частновладельческих земель и на промыслы. Вследствие этого мобилизация и повторные призывы запасных, новобранцев и ратников ополчения в первую голову должны были отразиться сокращением числа сельскохозяйственных рабочих и площади посева в частновладельческих хозяйствах. Затем, те же факторы должны были отозваться сокращением аренды частновладельческих земель и арендных посевов и лишь в последнюю очередь они могли отразиться сокращением посевов у крестьян на собственной земле.

В разных районах России этот недостаток рабочих рук испытывался с различной степенью остроты. Так, в промышленных подмосковных губерниях, а также в Петроградской и Новгородской, в так называемой бабьей стороне, где сельско-хозяйственные работы производятся обычно женщинами, мужчины же почти все заняты промысловым отходом, мобилизация и призывы не могли оказать существенного влияния на размеры посевов. В губерниях юго-западных, малороссийских, центрально-земледельческих и средневолжских, обычно отпускавших рабочих в степную полосу, сокращение числа мужчин в деревне должно было привести к резкому сокращению земледельческого отхода, но не к сокращению своих посевов. Напротив, степная полоса—ново-

российские, нижневолжские и северокавказские губернии, должны были лишиться не только своих местных работников, но и пришлых; именно в этих губерниях, как показывает нижеприводимая таблица, и оказалось наиболее резкое сокращение посевов. По данным продовольственного отдела посевные площади озимых хлебов сократились в %:

северные и приозерные губ.	2,1%
центрально-промышленные	1,7%
юго-западные	0,8%
малороссийские	1,9%
центрально-земледельческие	0,1%
новороссийские	8,5%
юго-восточные	18,5%
нижневолжские	40,0%
предкавказские	21,0%

В общем, по Европейской России можно считать, что посевная площадь сократилась: у крестьян на 5,7% и у частных владельцев—на 9,9%, т. е. благодаря огромному запасу рабочей силы, мобилизация и повторные призывы в армию хотя и создали недостаток рабочих рук, но не настолько острый, чтобы сильно расшатать наше сельское хозяйство.

На обрабатывающую промышленность под влиянием войны оказали свое действие следующие факторы: 1) приостановка в 1914 г. в связи с мобилизацией приема железными дорогами частных грузов, 2) сокращение внешней торговли, 3) прекращение винокурения и пивоварения, 4) сокращение спроса на предметы роскоши, 5) огромное увеличение спроса на нужное для армии, 6) сокращение строительных работ и 7) уменьшение числа рабочих.

Приостановка в связи с мобилизацией приема железными дорогами частных грузов вызвала в первые дни почти полную приостановку оптовой мануфактурной торговли. Провинциальные покупатели приехавшие в Москву для закупки товара на осенний сезон, ограничились отборкою последнего в значительно сокращенных против ранее намеченного размерах. Текстильные фабрики в первые недели войны под

влиянием паники на рынке сократили производство на 50—60%. Однако, уже с половины августа 1914 г. растерянность и неопределенность уступили место нормальному ходу дел, появились вновь покупатели на мануфактурные товары, возобновился приток денег, банки снова пошли шире на встречу нуждам промышленности. В виду небывалых по своим размерам заказов армии, а также усиленного спроса на товары, вырабатывавшиеся до войны в Царстве Польском, многие текстильные фабрики, еще за год до того с трудом влачившие существование, зимою 1914 года и весною 1915 года работали безостановочно почти круглые сутки и только недостаток хлопка и топлива препятствовал дальнейшему расширению их деятельности. Все запасы, не имевшие ранее сбыта, оказались вскоре распроданными. Фабрики, исполнявшие заказы Военного Ведомства, работали в январе, феврале и марте 1915 года и по праздникам; во время пасхального периода ткацкие и прядильные отделы приостановили работу на $1^1/_2$ недели, красильные же приступили к работам по истечении первых трех дней праздника. Уже с ноября 1914 года фабрики главным образом центрального района работали с 5 час. утра до 10 час. вечера (до войны с 6 час. утра до $6^1/_2$ час. веч.), уплачивая двойную плату за излишние часы. И все же многие фабриканты, не успевая выполнять принятого заказа, вынуждены были отдавать заказы из своей пряжи на сторону небольшим фабрикам в 100—200 станков, так что и работа на последних, где раньше обнаруживался застой, снова оживилась. Лишь начиная с апреля 1915 г., вследствие дороговизны хлопка, топлива и рабочих рук, прядильно-ткацкие фабрики сократили производство, несмотря на то, что спрос не только не уменьшался, но даже возрастал.

Небывалое увеличение спроса в армию особенно благоприятно отразилось на деятельности заводов по обработке металлов, суконных и прядильно-ткацких фабрик, кожевенных заводов и табачных фабрик. При работе по заказам Военного Ведомства, фабричному присутствию пришлось разрешить фабрикантам занимать женщин и подростков сверхурочными, праздничными и ночными работами. Эти работы широко применялись на суконных и льно-прядильных ткацких фабриках.

Сокращение внешней торговли не оказало угнетающего значения на обрабатывающую промышленность в первый год войны и от него пострадали только экспортные фирмы; причина заключалась в том, во первых, что наш вывоз раньше направлялся почти исключительно в Азиатские страны, границы которых закрыты не были, а во вторых, огромный спрос в армию покрыл с избытком сокращение вывоза. Лишь начиная с весны 1915 года сказался острый недостаток привоза хлопка и минерального топлива.

Прекращение продажи питей привело почти к полному прекращению винокуренной и пивоваренной промышленностей, а также производства винных и пивных бутылок. Из прочих отраслей промышленности более всего пострадали лесной и строительный промыслы, вследствие затрудненности вывоза леса и лесных материалов за границу и полного прекращения в первое время войны строительных работ на железных дорогах, в городах и даже деревнях. Из за этого сильно сократили производство лесопильные, цементные, кирпичные, известковые и изразцовые заводы. Вместе с тем упал спрос на оконное стекло и мебель. В лесных районах упали заработки по рубке, обделке и возке леса, а в городах— плотников, каменьщиков и штукатуров. Но уже начиная с 1915 года, строительные работы стали оживляться, сначала на железных дорогах под давлением необходимости развить их сеть и увеличить пропускную способность, а затем и в других предприятиях не только частной, но и правительственной инициативы, к осуществлению которых постепенно вынуждала сама жизнь.

Число фабрично-заводских рабочих под влиянием войны в общем сократилось незначительно. По данным фабричных инспекторов, часть рабочих была непосредственно взята в армию с фабрик и заводов, а другая часть ушла в деревню на свое хозяйство, в котором после повторных призывов начал чувствоваться недостаток в мужской рабочей силе.

Недостающие рабочие мужчины были заменены женщинами и подростками. В общем, как уже сказано, число рабочих изменилось мало, но состав их сильно изменился к худшему.

Показателем влияния войны на добывающую промышленность может служить состояние Донецкой каменноугольной промышленности.

В августе 1914 года, под влиянием мобилизации, количество углекопов в Донецком районе сократилось на 11,6% по сравнению с предыдущим годом; в сентябре—на 5,3% В октябре, благодаря принятым мерам, эта убыль рабочих была погашена, но с января 1915 года опять замечается недостаток рабочих, тянувшийся до июля 1915 года.

Этот недостаток пришлых рабочих об'ясняется многочисленными причинами. Здесь сказались последствия и мобилизаций, и ухода рабочих в деревню под влиянием усилившегося там спроса на труд, и целый ряд других причин. Но самым главным препятствием к притоку достаточного количества рабочих на рудники являлись крайне тяжелые условия труда, относительно низкая заработная плата и неудовлетворительные жилищные условия рабочих. Это тяжелое положение рабочих часто вызывало недостаток в них еще в мирное время, и вполне естественно, что война, принесшая с собою крайнюю дороговизну предметов первой необходимости, еще обострила этот недостаток. А так как ни углепромышленниками, ни правительством своевременно не было принято никаких решительных мер по улучшению положения рабочих на копях, то результаты этого и сказались во время войны; как раз в тот самый момент, когда страна крайне нуждалась в максимальном развитии добычи, рабочие бежали из угольных копей и добыча падала.

Весь первый год войны (до июля 1915 г.) недостаток рабочих в Донецком бассейне не мог быть восполнен. Одновременно обнаружилось и понижение производительности труда. Цифры выработки каменного угля и антрацита свидетельствуют, что производительность труда на рудниках понизилась в 1915—16 г. г. на 7,4%, а в 1916—17 г.—на 19,8%. Так как положительное влияние прекращения пьянства несомненно, то понижение выработки может быть об'яснено только ухудшением качества рабочих.

В 1917 г. советом с'ездов горнопромышленников юга России была произведена анкета о составе рабочих, занятых

на каменно-угольных предприятиях, причем в этом составе оказалось:

военнообязанных, уже призванных 47,4%,
" еще не призванных 85,9%,
мужчин, не подлежащих призыву 0,0%,
беженцев 1,5%,
военнопленных 12,7%,
женщин и подростков 12,6%,

Если внимательно разсмотреть этот состав рвбочих, то нельзя не заметить, что среди него добровольно работающий элемент (женщины и подростки) составляют всего 12,6%; затем, полудобровольным элементом являются беженцы, заброшенные войною на чужбину (1,5%), а все остальное, можно сказать, несет безусловно или до известной степени принудительный труд. Анализ сам говорит за себя: в 1917 г. в шахтах применялся или принудительный труд, или труд женщин и подростков, т. е. обе категории труда пониженного качества.

Тем не менее стараниями правительства Донецкая каменноугольная промышленность во время войны поддерживалась на уровне мирного времени. Что же касается всей вообще промышленности, то можно считать, что она к 1917 году упала на 10—15%.

V.

Влияние войны на благосостояние населения России. Изменения в экономическом положении различных классов населения, произошедшия под влиянием войны.

Изложенное в предыдущих главах влияние войны на условия труда и производства так или иначе отразилось изменением ежегодного народного дохода. Обращаясь теперь к рассмотрению этих изменений, необходимо прежде всего остановиться на исходной цифре ежегодного дохода русского народа в 1913 году, отправляясь от которой можно будет уже подойти к изменениям, произведенным над нею войной

и так или иначе судить об экономическом благосостоянии населения в годы войны.

С. Н. Прокопович, в своем труде „Война и народное хозяйство“, исчисляет доход русского народа в 1913 году в 73 рубля в год на душу населения и, принимая во внимание, что по данным Центрального Статистического Комитета население Российской Империи к 1-му января 1914 года достигло 175,1 милл. человек, определяет ежегодный народный доход перед мировой войной в 12.800.000:000 рублей.

„Вестник Финансов“ за 1916 г. в № 1 перепечатал исчисление нашего народного дохода, сделанное Лондонским „Экономистом“, согласно которого наш народный доход определялся в 15 миллиардов рублей в год или 88 руб. на душу. Член Госуд. Думы А. И. Коновалов в заседании Государственной Думы 19-го Февраля 1916 г. исчислял наш народный доход в 16 миллиардов руб. в год. М. И. Фридман в том же году принимал наш народный доход равным 20-ти миллиардам рублей. Чтобы не впасть в неуместный оптимизм, мы остановимся на исчислении С. Н. Прокопопича и примем, что перед войною наш народный доход равнялся 12,8 миллиардам рубл. в год.

Исходя из этой цифры и принимая во внимание, что промышленность России ко времени революции упала на 10—15%, а также учтя ущерб, который был нанесен нашему народному хозяйству вторжением неприятеля, можно считать, что доход нашего народного хозяйства при исчислении его в старых рублях в 100 копеек золотом, равнялся:

до войны	12.800.000.000	руб.
в 1-й год войны (1914—1915 г.) .	12.300.000.000	„
„ 2-й „ „ (1915—1916 г.) .	10.400.000.000	„
„ 3-й „ „ (1916—1917 г.) .	9.500.000.000	„

Это уменьшение народного дохода далеко не в равной мере легло на различные классы населения.

Факторами, влияющими на экономическое положение населения во время войны, были:

1) рост цен на продукты и на изделия фабрично-заводской промышленности,

2) увеличение содержания служащим,

3) повышение заработной платы сельско-хозяйственным и фабрично-заводским рабочим,

4) выдача пособий семьям призванных на военную службу,

5) прекращение продажи водки и пива,

6) сокращение посевной площади и сбора хлебов,

7) поставка в войска лошадей, повозок и упряжи,

8) принудительная и добровольная продажа скота и мертвого инвентаря.

Все эти факторы для различных классов населения не только не имели одинакового значения, но иногда влияли в совершенно противоположном направлении и кроме того не в отношении всех классов находили применение.

Поэтому рассмотрим последовательно влияние тех или иных из указанных факторов на экономическое положение: крестьян хлебородных губерний, крестьян промышленных губерний, фабрично-заводских рабочих, фабрикантов, крупных землевладельцев, оптовых и розничных торговцев и лиц, состоявших на государственной, общественной или частной службе [1]).

В числе факторов, оказывавших влияние в равной степени на экономическое положение крестьян, как хлебородных, так и промышленных губерний, были: выдача пособий семьям призванных на военную службу, прекращение продажи водки и пива, поставка в войска лошадей, повозок и упряжи и принудительная и добровольная продажа скота и мертвого инвентаря.

В течение первых двух лет войны все семьи призванных на военную службу получали пособия: в 1914 — 15 г. — 442.300.000 руб. и в 1915 — 16 г. — 760.000.000 руб.

По исчислению С. А. Первушина в его статье, помещенной в „Трудах комиссии по изучению современной дороговизны“, на долю сельско-хозяйственного населения приходится около 77% всего пособия, выданного в первый год войны. Применяя тот же процент и ко второму году,

---

[1]) Для всех этих исчислений мы располагаем только данными за 1914—1915 и 1915—1916 г. г., да и то следует оговориться, что все эти данные являются более или менее приблизительными.

мы получим, что за этот год крестьяне получили пособия 585 милл. рублей.

Таким образом, выдача правительством пособий семьям призванных на военную службу увеличила доход крестьян в первый год войны на 340 милл. руб., во второй год на 585 милл. рублей.

Как отразилось на благосостоянии деревни прекращение продажи водки и пива, можно составить представление на основании следующего примерного расчета.

По данным статистики казенной продажи питей, в Европейской России душевое потребление водки составляло: в городах—1,53 ведра, а в деревнях—0,47 ведра. Пиво также потреблялось в городах в большем количестве, чем в деревнях. Принимая, однако, во внимание, что крестьяне много водки покупали и в городах в базарные дни, мы можем допустить, что потребление в городах на душу вдвое превосходило потребление сельских жителей. Затем, всего от воспрещения продажи питей население экономило ежегодно по 1.037,5 милл. руб.: принимая во внимание, что отраслями сельского хозяйства из 175 милл. душ всего населения Империи занималось 126,5 милл. человек, мы получим, что на сельских жителей-крестьян из всей экономии от прекращения продажи питей приходится около 600.000.000 руб. в год.

Таким образом, прекращение продажи питей сократило ежегодный расход, т. е. улучшило экономическое положение крестьян на 600 милл. руб. ежегодно.

Чтобы определить, сколько могли получить крестьяне за взятых у них в армию лошадей, повозки и упряжь, можно предположить, что из 458 милл. руб. израсходованных на эту операцию в 1914 году, около двух третей, т. е. около 300 милл, руб. попало в руки крестьян. Принимая во внимание, что во 2-й год войны от населения было взято в армию вдвое менее лошадей, чем в первый год, можно предположить, что во второй год за поставку этого рода в руки крестьян поступило около 150 милл. руб.

Следовательно, поставка лошадей, повозок и упряжи увеличила доход крестьян в первый год войны на 300 милл. руб., а во второй год—на 150 милл. руб.

Наконец, обращаясь к рассмотрению влияния на экономическое положение крестьян принудительной и добровольной продажи скота и мертвого инвентаря, необходимо указать, что продажа мертвого инвентаря призванных не играла значительной роли, а определение дохода от продажи скота не поддается даже и приблизительному исчислению. Однако, можно с уверенностью сказать, что добровольная продажа скота была сделана крестьянами не только без обиды для себя, но, по всей вероятности, в силу причин, которые будут указаны ниже, с большим барышем. Что же касается уплаты за скот, взятый принудидительно, при реквизициях, то тут необходимо отметить, во первых, что реквизиции имели место только в районе театра военных действий, а во вторых, при реквизициях назначалась обыкновенно одна общая цена за пуд живого веса скота, не принимая в расчет, какой это скот: племенной, молочный или мелкий крестьянский. Следовательно, из общей массы населения только население прифронтовых губерний подверглось принудительному отчуждению скота, причем, если кто и понес убытки от неупорядоченного производства реквизиций, то скорее крупные хозяйства, а не крестьяне, ибо общая средняя цена за пуд живого веса всегда была небезвыгодна для крестьян.

Таким образом, и принудительная, и добровольная продажа скота тоже увеличила ежегодный доход крестьян.

Теперь, чтобы уяснить значение указанных выше сумм, поступивших на улучшение экономического положения крестьян вообще, нужно их сопоставить с бюджетом русского крестьянства до войны.

Из общего ежегодного народного дохода в 12.800.000.000 руб., на долю крестьян приходилось около 4.600.000.000 руб., из которых около 1.500.000.000 руб. составляли денежный доход, выручавшийся крестьянами от продажи хлеба, льна, молока и пр. Принимая во внимание, что вследствие прекращения продажи питей ежегодный денежный расход крестьянства сократился на 600 милл. руб., что составляет 40% вышеуказанного денежного дохода крестьян до войны, надо признать, что под

влиянием одного этого фактора экономическое положение крестьян улучшилось на 40%. С другой стороны, от поставки лошадей, повозок и упряжи в армию и в виде пособия семьям призванных в первый год войны крестьянами получено 640 милл. руб. или 42% денежного дохода довоенного времени, а во второй год—735 милл. руб. или 46% того же дохода. Следовательно, от этих двух статей денежный доход крестьян увеличился в среднем на 45%. Иначе говоря, под влиянием только указанных трех факторов (прекращение пьянства, поставки лошадей, повозок и упряжи и выдачи пособий семьям призванных) и не считая неподдающегося учету дохода от продажи скота и мертвого инвентаря, денежное благополучие крестьянства, как хлебородных, так и промышленных губерний, улучшилось в первый год войны на 82%, а во второй год—на 87%.

Под влиянием остальных факторов экономическое положение крестьян хлебородных губерний и крестьян промышленных губерний изменялось различно, а потому и должно быть рассмотрено порознь. Начнем с влияния роста цен на продукты деревни и на изделия фабрично-заводской промышленности.

Условия, в которых проходила реализация урожая 1914 года в хлебородных губерниях, были следующие: население, имея достаточные денежные средства, поступившие от экономии расхода на водку и от различных поставок в армию, не спешило с предложением хлеба на рынок, выжидая хороших цен. Вследствие этого реализация урожая, вопреки всяким ожиданиям, была произведена в общем с большой выгодой для производителей, за исключением лишь тех, которые почему либо вынуждены были расстаться со своими запасами в самом начале войны. Цены на все хлеба за первые девять месяцев войны во всех районах, за исключением Сибири, значительно возросли, причем в большинстве районов этот под'ем цен начал наблюдаться в первые же месяцы войны, сначала медленный, а потом все более и более резкий, В виду такого сильного и непрерывного повышения хлебных цен, реализация урожая 1914 года прошла с большой выгодой для производителей

хлеба, причем, само собою разумеется, размер этой выгоды всецело зависел от количества свободного, за удовлетворением собственных потребностей, остатка хлеба и от момента реализации: чем сильнее экономически были производители, и, следовательно, чем большим свободным остатком хлеба располагали и чем дольше могли выдержать хлеб в своих руках, тем большую получили выгоду.

Этой выдержке хлеба способствовал и отлив рабочих рук в армию, вследствие чего урожай был убран несколько позже обыкновенного, молотьба хлеба заняла гораздо больше времени, чем в прежние годы, а вывоз на базары был также более затруднен из за сокращения числа лошадей и непривычности женщин к этому делу. Продажа хлеба — дело хозяина, и без его распоряжения оставшиеся дома женщины не решаются продавать даже не нужные им излишки.

Все сведения из самых различных источников сходятся в том, что под влиянием обилия денег в деревне и затруднений в уборке, обмолоте и вывозке на базар хлеба, крестьяне в первый же год войны перестали распродавать продукты своего хозяйства по дешевым ценам. Несмотря на уход в ряды армии в первые два года войны огромного количества самых здоровых едоков, потребление оставшейся массы стариков, женщин и детей не только не уменьшилось, но даже возросло.

Уже осенью 1914 года ощущался недостаточный подвоз хлеба на рынки: в октябре, ноябре и начале декабря причину этого явления видели в осенней распутице; но когда установился санный путь, тогда стало очевидным, что значительно сократилось предложение крестьянских хлебов. И именно под влиянием этого скудного предложения хлебные цены с декабря 1914 года пошли в гору.

Во второй год войны у крестьян и тем более не могло быть побуждений сбывать свой хлеб, что производительные свои потребности, на которые крестьяне охотнее всего направили бы свои сбережения, теперь было трудно удовлетворять ввиду крайней дороговизны и недостатка предметов производительного потребления. Покупка земли совершенно прекратилась, так как большинство хозяев, и продавцов и покупателей,—было взято в армию. Покупка сельско-хозяйственных

машин значительно сократилась, вследствие исчезновения их с рынка. Поэтому крестьяне продавали свой хлеб только в меру своих неотложных потребностей. Затем, для крестьян оказалось чрезвычайно выгодным задерживать продажу хлеба, так как всякое задерживание продажи означало для крестьян значительный рост их дохода в виду растущих цен на хлеба, а всякий обмен на деньги, которые не нужно было немедленно расходовать, означал, напротив, падение дохода, ввиду падения ценности денег. При наличии даже простого желания скопить или сохранить себе известную сумму ценностей на черный день, на случай возможных невзгод и неурожаев, были все основания сохранять ее в форме хлебов с растущей ценностью, а не в форме денег с их падающей ценностью.

Все эти данные сильно задержали предложение крестьянских хлебов и в 1915, и в 1916 годах. Чтобы определить, как повлиял рост цен на продукты производства деревни на благосостояние крестьян, нам нужно было бы знать не только рост цен на продукты крестьянского хозяйства, но и на предметы его потребления. К сожалению, этого рода данными мы не располагаем.

Однако, судить о том, как повысилась покупательная способность хлебородной деревни и на какие предметы пред‘являлся ею, главным образом, спрос, мы можем по некоторым сведениям, относящимся к двум хлебородным губерниям: Казанской и Полтавской.

Из сведений по Казанской губернии, относящихся к 1915 году, видно, что там повысился спрос преимущественно на: сахар, чай, пшеничную муку, мануфактуру, белый хлеб и сласти. Обороты сельских торговцев увеличились, в среднем, вдвое. По отзывам местных торговцев, до войны крестьяне покупали крупчатку лишь перед большими праздниками, да и то низких, не выше 3-го, сортов и в незначительном количестве. В 1914 году потребление крупчатки, несмотря на все возраставшую цену, значительно увеличилось. Спрос пред‘являлся на муку высшего качества; 5-й и 6-й сорт почти не находили сбыта и если шли, то на подсыпку к ржаному хлебу. С августа 1914 года по июль 1915 года крупчатки всех сортов прошло через казанский район не

менее 4,5 милл. пудов, между тем, в соответствующий период 1913—14 г. тот же рынок пропустил лишь 3—3,25 милл. пудов. В 1914—15 г. коренным населением района куплено рафинаду на 60—70% больше, чем в 1913—14 г., а сахарного песку—на 100%. Усиленный спрос на сахар находился в зависимости от увеличившегося потребления всякого рода сластей. С августа 1914 г. по июль 1915 г. на рынок было выпущено местными фабриками 550—570,000 пудов конфектно-кондитерских товаров, а в предшествовавшем году всего лишь 260.000 пудов,—при этом нужно иметь в виду, что в 1914 году цена на эти товары поднялась на 75%. Количество мануфактурного товара не увеличилось, потому, что его неоткуда было взять, но цены на него повысились на 28—150%, в среднем, на 100%.

Аналогичную картину рисуют данные и по Полтавской губернии.

Таким образом, влияние роста цен на продукты деревни не только оказалось благотворным для крестьянства хлебородных губерний, но буквально озолотило его и позволило ему совершенно не считаться с ростом цен на изделия фабрично-заводской промышленности, ибо рост цен на эти последние в среднем далеко не достиг подема цен на продукты деревни.

Далее, сокращение площади посева, как уже сказано было при рассмотрении вопроса об изменениях, происшедших под влиянием войны в сельско-хозяйственной промышленности, отразился на хозяйстве крестьян, да и то далеко не везде, лишь в последний год войны, ибо деревня наша имела огромный избыток рабочей силы. И если сокращение площади посева сказалось в крестьянском хозяйстве хлебородных губерний, то только в виде сокращения арендных запашек.

Наконец, повышение заработной платы сельско-хозяйственным рабочим, появившееся под влиянием отлива наиболее работоспособных возрастов в армию, и сокращение числа рабочих рук, на деревне сказалось опять таки в последнюю очередь, ибо деревня, богатая рабочею силою, отдавая своих людей в армию, сейчас же

сократила отход на промыслы, сохранив для себя рабочую силу, по возможности, в неприкосновенности.

Таким образом, в общем, экономическое положение крестьян хлебородных губерний под влиянием войны не только не пострадало, но значительно улучшилось. Хлебородная деревня разбогатела и, по выражению самих же крестьян, „ходила по деньгам".

Иное влияние оказала война на экономическое положение крестьян промышленных губерний. Во первых, населению этих губерний часто не хватает своего хлеба и его приходится покупать, а во вторых, в этих губерниях крестьяне уходят на работы на фабрики или в города на промыслы, вследствие чего их пропитание оплачивается по ценам, стоящим на продукты на фабриках и в городах. Отсюда ясно, что главный фактор крестьянского благополучия—рост цен на произведения деревни для крестьян промышленных губерний имел двоякое значение: для деревенского хозяйства, продававшего свои продукты, кроме хлеба, положительное, аналогичное со значением для хлебородных губерний, а для пропитания ушедшего на заработки члена семьи — отрицательное, ибо ему приходилось оплачивать из своего кармана всю дороговизну фабричной или городской жизни. Повышение заработной платы на фабриках и промыслах, конечно, имело безусловное положительное значение, но во всяком случае не могло возместить потерь от роста цен на продукты.

Таким образом, выгоды, получившиеся крестьянами промышленных губерний от роста цен на произведения деревни и от повышения заработной платы, почти целиком поглощались теми расходами, которые должны были нести на свое содержание лица, ушедшие на заработки. Поэтому можно считать, что материальное благополучие крестьян промышленных губерний явилось результатом борьбы двух влияний—повышательного и понижательного. В общем, уровень их жизни мало изменился, хотя некоторое улучшение в условиях их быта несомненно наблюдалось. Так., напр. по сведениям из Костромской губ., относящимся к декабрю 1914 г. и к январю 1915 г., в хозяйствах, разорившихся пьянством, наблюдалась поправка

и вместе с тем указывалось, что больше не увидишь женщины в лаптях и оборванных детей, идущих в школу. При этом надо еще заметить, что в 1914 году Костромскую губернию поразил сильный неурожай и что сведения относятся к тому периоду, когда рост цен на продукты деревни еще не успел особенно сказаться. Из сведений по Московской губ., относящихся к весне 1915 г., тоже видно, что крестьянские хозяйства, несмотря на дороговизну и неурожай 1914 г., не пошатнулись; одежда же и питание улучшились, в особенности усилилось потребление сахара и сластей.

Экономическое положение третьей группы сельского населения — крупных землевладельцев находилось под влиянием следующих факторов: роста цен на продукты сельского хозяйства, как фактора положительного, и сокращения посевной площади, вследствие недостатка рабочих рук, и роста заработной платы, как факторов отрицательных. Однако, рост цен на продукты деревни сильно превзошел убытки от затруднений в ведении хозяйства и, в общем, значительно улучшил экономическое положение крупных землевладельцев.

Совсем иначе отразился рост цен на экономическом положении тех классов населения, в доходном бюджете которых единственной и главной статьей является личный заработок. Таковы фабрично-заводские рабочие и лица, состоящие на государственной, общественной и частной службе.

Главными факторами, влиявшими на экономическое положение фабрично-заводских рабочих во время войны, являлись: вздорожание жизни, прекращение пьянства, повышение заработной платы и широкое применение сверхурочных работ. Первый из этих факторов имел отрицательное значение, остальные, хотя и положительное, но значительно более слабое, вследствие чего все они, вместе взятые, не могли уравновесить неблагоприятного влияния дороговизны.

В первые два года войны, сведениями за которые мы располагаем, жизнь в крупных фабрично-заводских центрах вздорожала в среднем на 50—55%. Заработная плата в течение того же периода была увеличена на 20% и экономию от сокращения пьянства можно принять около 7,5%. Осталь-

ное рабочем приходилось покрывать сверхурочными работами, т. е. усиленным трудом или надо было сокращать удовлетворение своих потребностей первой необходимости.

Таким образом, экономичсское положение фабрично-заводских рабочих, за немногими исключениями, во время войны было очень тяжелым. Отсюда понятно, что экономические забастовки, совершенно прекратившиеся в первые месяцы войны, постепенно опять стали обыденным явлением на наших фабриках и заводах.

Но если плохо было положение самих рабочих, то еще хуже было положение семей тех из них, которые ушли на войну. Получавшиеся ими пособия были совершенно недостаточны для жизни в городе. Эти пособия, как известно, носили продовольственный характер; и если для деревни такая организация пособий являлась вполне удовлетворительной, то в городе семья призванного на войну рабочего нуждалась не только в продовольствии, но и в найме квартиры, покупке топлива, одежды. Наконец, чем больше семья, тем дешевле обходится содержание каждого ее члена. Большинство крестьянских семей было крупными; большинство из семей рабочих, живущих в городах, состояло только из одного—двух человек, и для них пособия не хватало даже для пропитания.

Равным образом, значительно ухудшилось во время войны экономическое положение служащих в государственных, общественных и частных учреждениях. И здесь дороговизна жизни не могла компенсироваться некоторым повышением содержания, совершенно недостаточным для покрытия переплат, вызванных огромным ростом цен на продовольствие и фабричные изделия.

Но если экономическое положение рабочих во время войны значительно ухудшилось, то экономическое положение промышленников и фабрикантов достигло небывалого расцвета. Огромный спрос в армию и со стороны несколько оправившегося экономически крестьянства, слабый привоз из-за границы и улучшение работы вследствие прекращения пьянства, ее тщательность, повышавшая качество товара, способствовали росту цен на фабрично-заводские изделия. И этот рост цен и повышение

производительности труда, вследствие прекращения прогулов, и несоответственное росту цен на фабричные изделия повышение заработной платы, и широкое развитие сверхурочных работ—все несло фабрикантам огромные, небывалые дотоле прибыли.

Такие же огромные прибыли выпали под влиянием войны и на долю розничных, и в особенности, на долю оптовых торговцвв, но об изменениях в их экономическом положении мы будем говорить отдельно, при рассмотрении вопроса о влиянии войны на условия внутренней торговли.

VI.

Влияние войны на работу железных дорог. Экономическое, культурное и военное значение железных дорог. Требования войны к железным дорогам. Состояние русских железных дорог до войны и работа их во время войны. Причины и следствия слабости железнодорожного транспорта.

Война пред'являет требование:

1) широкого подвоза из внутренних областей страны всего, что необходимо для существования и деятельности армии и флота;

2) постоянного вывоза из армии всего, ее обременяющего и ослабляющего.

Установление этой связи между армией и страною достигается самой полной утилизацией всех средств сообщения, как-то: железных дорог, водных путей, автомобильного транспорта, гужевого транспорта и почты.

Из всех этих средств сообщения важнейшую роль играют железные дороги, вследствие особых своих свойств, а именно:

1) быстроты движения;
2) движения без перерыва (без перегрузок);
3) срочности доставки грузов;
4) способности перевозить громадные тяжести;
5) дешевизны перевозок.

Этими свойствами железных дорог обусловливаются их экономическое, культурное и военное значения.

Экономическое значение железных дорог заключается:

1) в возможности передвигать на огромные расстояния громоздкие и сравнительно дешевые грузы, как-то: хлеб, дрова, каменный уголь, нефтяные остатки и др.; возможность перевозки хлебных грузов на большое расстояние произвела переворот в торговле хлебом не только каждой данной страны, но и в международной; возможность передвигать на большие расстояния топливо произвела неменьший переворот в металлургическом производстве;

2) в возможности перевозить на большие расстояния скоропортящиеся продукты, как-то: мясо, рыбу, дичь, битую птицу, яйца, молоко. молочные скопы, овощи, фрукты и др.;

3) в том, что железные дороги являются могучею производительною силою, вызывающею к жизни то или иное производство, заниматься, которым до проведения железной дороги было невыгодно из-за дороговизны сбыта или по просту невозможно из-за отсутствия в данном районе того или другого необходимого для производства материала или продукта (напр: отсутствие топлива в местах залежей руды или наоборот);

4) в том, что железные дороги сами по себе являются одним из самых крупных промышленных предприятий в стране.

Культурное значение железных дорог кроется в том, во первых, что они облегчают и ускоряют личное общение между людьми, во вторых, ускоряют почтовые их сношения, в третьих, являются ферментом, вызывающим в стране культурное брожение.

Наконец, военное значение железных дорог огромно:

1) они ускоряют и облегчают мобилизацию армии;

2) ускоряют и допускают массовое сосредоточение армий;

3) позволяют производить переброски войск со стратегическими целями;

4) дают возможность установить:

а) регулярный массовый подвоз продовольствия и фуража;

б) срочный массовый подвоз артиллерийского, инженерного и вещевого довольствия и прочих, необходимых воинских грузов;

в) срочную массовую эвакуацию всего обременяющего и ослабляющего армию.

Само собою разумеется, что значение железных дорог во всей его полноте может быть использовано только при надлежащем управлении ими, организация которого, в смысле централизации управления или его децентрализации, находится в зависимости от: 1) обширности территории страны, 2) развития железнодорожной сети и ее узлов, и 3) богатства подвижным составом.

Если территория страны невелика и вся целиком находится под непосредственным влиянием военных событий, или если ее железнодорожная сеть развита неравномерно, а узлы развиты недостаточно, или если сеть бедна подвижным составом, вследствие чего приходится устанавливать очередь перевозок в зависимости от степени их настоятельности, то необходимо централизовать управление железнодорожной сетью в руках одного органа. Обратно, если территория страны обширна, настолько, что на некоторые ее районы война непосредственного влияния не оказывает, если железнодорожная сеть страны богато развита и снабжена мощными узлами и если страна богата подвижным составом настолько, что совершенно отпадает вопрос о преимущественной необходимости одной перевозки перед другою, то тогда может быть допущена в управлении железными дорогами децентрализация в большей или меньшей степени.

К решению этого вопроса следует подходить весьма осторожно, памятуя, что неудачное его решение может гибельно отразиться на экономической жизни страны и замедлить удовлетворение колоссальных требований, пред'являемых армиею к железнодорожной сети.

Требования эти можно разделить на две группы: а) перевозки регулярные и б) перевозки срочного характера.

К регулярным перевозкам прежде всего относится ежедневный подвоз к армии огромного количества продовольствия и фуража. Чтобы судить насколько обширна эта задача, достаточно указать, что в 1917 году продовольствие нашей армии требовало ежедневно подвоза 2.416.690 пудов груза, что составляло около одной десятой продовольственной потребности всего населения страны. Для перевозки одного этого груза ежедневно требовалось до 120 поездов 20-ти вагонного состава.

Но, кроме этих поездов с продовольствием для людей и лошадей, к регулярным перевозкам следует отнести еще следующее: 1) поезда с порожним подвижным составом, равномерно распределяемым по известным участкам сети, дабы избежать опасной забивки узлов и станций, 2) факультативные поезда, предназначаемые для обслуживания нужд самих железных дорог в техническом отношении, 3) почтовые поезда, поддерживающие связь армии со страною, и 4) порожние санитарные поезда, беззамедлительно возвращаемые к армии на случай возникновения требований в эвакуации раненых.

К перевозкам срочного характера могут быть отнесены: 1) поезда с артиллерийскими грузами и в особенности с боевыми припасами, направляемые по мере надобности на тот или иной сектор фронта для пополнения израсходованных запасов, 2) поезда с инженерными грузами, к каковым относятся: шанцевый и другой инструмент, колючая проволока, лес, цемент и другие строительные материалы, керосин, бензин и т. д., 3) поезда с вещевым довольствием, 4) перевозка укомплектований, 5) производство массовой эвакуации раненых и 6) производство массовой эвакуации грузов в предвидении возможности отдачи в руки неприятеля того или иного участка территории нашей страны.

Интенсивность перевозок, как регулярных, так и срочного характера, никогда не бывает равномерною по всей железнодорожной сети. Она неизбежно возрастает по мере приближения к фронту, и это обстоятельство заставляет производить перегруппировки паровозов, вагонов и железнодорожных служащих по различным участкам сети, сосредоточивая наибольшее их количество в полосе, ближайшей к фронту.

Помимо требований на перевозки, непосредственно необходимые для удовлетворения нужд армии, война еще более усложнила работу железнодорожной сети путем изменения пунктов вывоза товаров и пунктов их ввоза, путем изменения назначения грузов сравнительно с мирным временем и путем усиления транзитных перевозок.

Война закрыла наши границы и оставила нам для международного обмена только два порта: Архангельск и Владивосток. Оба эти порта имели в мирное время второстепенное значение, и железные дороги, приводящие к ним, не были в достаточной мере приспособлены для массовой перевозки грузов. Если Сибирская магистраль оказалась в тяжелом положении, несмотря на свое оборудование, вследствие массы нахлынувших на нее грузов, то Архангельская магистраль оказалась неспособной к массовым перевозкам, вследствие своей неподготовленности. Линия Москва—Ярославль—Вологда—Архангельск на участке Москва—Вологда была обыкновенной широкой колеи; на участке же Вологда—Архангельск она была узкоколейной, да еще со слабой пропускной способностью. С распоряжением о перешивке этого участка на широкую колею мы опоздали; оно последовало только в марте 1915 года. Работы по перешивке, вследствие ошибочных предположений, велись медленно и к 23 октября 1915 года было открыто движение по широкой колее только на участке Вологда—Няндома; участок же Няндома—Архангельск был окончен лишь к 15-му января 1916 года. Столь позднее открытие Архангельской магистрали для ширококолейного движения крайне невыгодно отразилось, с одной стороны, на получении из-за границы необходимых нам грузов, главным образом, воинских, а с другой стороны, переобременяло работою другие участки нашей железнодорожной сети, и, в особенности, Сибирскую магистраль.

Затем, прекращение подвоза из Англии минерального топлива и захват германцами в первые дни войны Домбровского каменноугольного района вызвали направление донецкого каменного угля в новые для него места назначения, а именно в те пункты, которые ранее получали уголь из Англии или из Польши.

Наконец, направление в действующую армию нужных ей грузов прямо из мест производства вызвало усиленное и

все возраставшее транзитное движение, занимавшее почти полностью графики входивших в транзит железных дорог и лишавшее последние иногда на долгое время возможности принимать грузы из собственного района. Обладай железные дороги большею пропускной способностью, транзитное движение не имело бы столь неблагоприятных последствий.

Наши железные дороги в мирное время не справлялись с требованиями даже одного коммерческого движения, о чем свидетельствуют из года в год повторявшиеся залежи хлебных грузов в период реализации урожая. Причины этого заключались в том, что для наших потребностей мы имели мало железных дорог, дороги имели слабую пропускную способность, вследствие недостаточного технического оборудования, и дороги были бедно снабжены подвижным составом.

Еще в 1908 году управлением железных дорог была составлена програмна усиления сети казенных дорог на предстоявшее пятилетие на сумму 916 милл. руб., т. е. со средним ежегодным ассигнованием около 183 милл. руб. Вторично подсчет потребности в усилении казенных дорог был составлен в смете на 1910 год, когда он был исчислен в размере 1.085 милл. руб. Взамен этого, в течение десяти лет. с 1905 по 1915 г., в среднем ассигновывалось ежегодно лишь около 75 мил. руб., т. е. усиление дорог более чем вдвое отставало от действительной потребности. Сокращение в ассигнованиях делались по бюджетным соображениям, не принимая во внимание пользы от испрашивавшихся затрат для всей промышленной жизни страны.

С момента появления С. В. Рухлова на посту министра путей сообщения, в конце 1908 года, затраты на оборудование железных дорог подвижным составом не только не увеличиваются, но резко падают, и лишь пассажирских вагонов заказывается больше, чем прежде; на паровозах же и товарных вагонах загоняется усиленная экономия. В результате к 1912 году на всех казенных железных дорогах, протяжением в 43.076 верст, имелось паровозов всего 14.772, из которых 3.902 паровоза поступило на железные дороги в период с 1857 по 1891 г., т. е. являлись почтенными ветеранами, подлежавшими сломке, а не эксплоатации. Сеть в

43.075 верст, обслуживалась, следовательно, 10.870 паровозами позднейшего изготовления. На частных же железных дорогах, протяжением в 19.738 верст, паровозов, изготовленных после 1892 года, было 14.552. По этой пропорции, казенным железным дорогам нужно было бы иметь около 31.700 паровозов, а не 10.870. Столь же велик был на сети и вагонный голод.

С. В. Рухлов довольно своеобразно понял принцип хозяйственности. Чтобы уничтожить дефициты по эксплоатации казенной железнодорожной сети, он начал сокращать производительные затраты и довел использование пропускной способности сети и провозной способности ее подвижного состава до максимума, уничтожив тот запас про черный день, который она имела раньше. При подобном состоянии казенных железных дорог и к частным железным дорогам не могли быть пред'явлены более серьезные требования.

В таком состоянии находились наши железные дороги, когда грянула война. Тяжелые последствия имела также та особенность нашей железнодорожной сети, что она постепенно ослаблялась по мере движения на восток. К востоку от линии Петроград — Москва — Харьков — Севастополь ее пропускная способность была вдвое меньше, чем в западном районе. Кроме того, вся Сибирь, Туркестан и южное Заволжье были соединены с остальной сетью только одним мостом через Волгу, в Батраках. Выход для Уральских, Сибирских и Владивостокских грузов через Вятку на Северные железные дороги, при малой пропускной способности, не мог существенно разгрузить южный выход на Батраки.

Эвакуация Польши и Западного края внесла большие затруднения в работу железных дорог. Правда, подвижной состав, выведенный нами из занятых неприятелем областей. позволил значительно усилить работу всей остальной сети, но слабое развитие узлов внутреннего района, неподготовленных к принятию массы поездов с эвакуированными грузами, и ряд беспланных, непродуманных распоряжений свыше внесли осенью 1915 года беспорядок в движение и произвели на некоторых линиях такую забивку станций, которая заставила приостановить на некоторое время коммерческое движение.

Примерами вышеуказанных бесплановых распоряжений могут служить распоряжения, отданные для эвакуации крепостей Ивангорода, Гродны и Брест-Литовска, причем приказание об эвакуации последнего было отдано в отмену сделанного за несколько дней до того распоряжения об усиленном, сверх нормы, пополнении всех запасов этой крепости в видах увеличения ее обороноспособности. Приказание об эвакуации Брест-Литовска, отданное под впечатлением падения Новогеоргиевска, последовало в самый разгар подвоза к нему запасов, и легко себе представить сумятицу, которая была вызвана отменою этого распоряжения. Эвакуация крепостей производилась спешно, под давлением наступавшего врага, и по времени совпала с исполнением распоряжений по эвакуации заводов и фабрик Варшавы, Риги, Вильны, Белостока и других промышленных пунктов Польши и Западного края. При этом для всех эвакуируемых грузов, как крепостных, так и заводских, был указан один адрес— Московский узел, очевидно, исходя из того предположения, что в этом узле будет возможно разобраться и дать грузам соответствующее их характеру назначение. К сожалению, разобраться в хаосе, произведенном в Московском узле, оказалось так трудно, что некоторые эвакуированные грузы находятся там неразобранными и по настоящее время.

Забивка в узлах внутреннего района не замедлила сказаться забивкою передаточных станций с дорог театра военных действий на внутренние дороги, а вслед затем произошла и забивка магистралей на театре военных действий. Для расчистки их было сделано свыше крайне непродуманное распоряжение—отправлять поезда, загромождавшие станционные пути прифронтовых дорог, во внутренний район, не сообразуясь с характером их груза и „все равно куда", лишь бы очистить забитые станции. Усердие исполнителей этого необдуманного распоряжения, конечно, пошло еще дальше, вследствие чего в число „угоняемых" попали и поезда, только что прибывшие из внутреннего района на фронт с зимнею одеждою для действующей армии. Перехватить, возвратить и даже отыскать эти поезда, отправленные без документов, не было никакой возможности, и Военному Министерству пришлось выслать для

армии второй комплект зимней одежды, который прибыл по назнеачнию, понятно, уже с запозданием.

Мало того, эвакуационное движение в июле—сентябре 1915 года совпало с массовым движением беженцев. Последние в течение двух месяцев занимали 115.000 товарных вагонов, т. е. 24% всего вагонного парка наших железных дорог.

На почве этого беспорядка железнодорожного движения, пышным цветом распустилось взятничество. Появилась целая новая профессия „толкачей", т. е. лиц, бравшихся за известное вознаграждение провести до станции назначения тот или иной груз. К помощи толкачей прибегали не только отдельные лица или торговые фирмы, но и казенные учреждения.

Вся эта сумятица, вызванная на железных дорогах отходом наших войск из Польши и Западного края, воочию показала, что при нашей бедности железными дорогами и при слабом их оборудовании подвижным составом, мы не имели права допускать децентрализации в управлении железными дорогами, каковая у нас существовала до осени 1915 года. В октябре этого года пришлось централизировать управление всеми железными дорогами театра военных действий в штабе верховного главнокомандующего, значительно урезав полномочия управлений военных сообщений фронтов. Ставка энергично взялась за восстановление пропускной способности прифронтовых железных дорог и при содействии Министерства Путей Сообщения в 2—3 месяца снова наладила движение.

Нет спора, наши железные дороги оказались слабо подготовленными к такому тяжелому испытанию, какому подвергла их мировая война, но тем не менее нельзя не отдать справедливости боззаветной работе большинства железнодорожных служащих, сумевших своей энергией не только поддержать провозоспособность сети, но еще у с и л и т ь е е в п е р в ы е д в а г о д а в о й н ы б о л е е, ч е м в п о л т о р а р а з а.

Таким образом, о разрухе железнодорожного транспорта во время войны говорить не приходится: можно говорить только о его слабости, его несоответствии выпавшим на его долю небывалым требованиям.

Слабость железнодорожного транспорта, естественно заставила отдавать предпочтение одним грузам перед другими, воинским грузам и грузам заводов, работавших на оборону, перед коммерческими. Следствием этой градации прежде всего явился голод сырьем на заводах и фабриках, работавших для рынка, затем недостаток продуктов первой необходимости в городах и, наконец. возрождение гужевых перевозок даже на такие большие расстояния, как Архангельск—Москва и Архангельск—Петроград.

VII.

Влияние войны на условия кредита в России. Биржевая паника и ее значение для изменения условий рынка. Значение затраты денежных средств на субсидирование правительства. Учетная операция.

К системе кредита война сразу пред'явила большие требования.

На рынках всех участвовавших в войне стран и даже некоторых нейтральных в начале войны разразилась паника. Хотя политический кризис, предшествовавший войне, длился около двух недель, результаты его, выразившиеся в великой мировой войне, явились для денежных рынков и, в частности, для русского, полною неожиданностью. Мобилизация армии сразу вызвала огромный спрос на деньги. Лица, призванные в армию, нуждались в деньгах для ликвидации своих обязательств и для обезпечения своих семей.

Торговцам и предпринимателям деньги были нужны для расчетов с призванными служащими и рабочими. Широкая публика стремилась запастись деньгами на всякий случай. Под влиянием всех этих требований в первые же недели войны во всех кредитных учреждениях обнаружился резкий отлив вкладов. Так, в сберегательных кассах и на текущем счету в акционерных банках коммерческого кредита отлив вкладов к 1-му августа 1914 года достиг 239 милл. руб. по сравнению с состоянием на 1 июля того же года.

В этот острый момент нужды подавляющее число провинциальных банковых отделений обладало лишь „нормальными рессурсами“, т. е. такими кассовыми резервами, размер

которых был расчитан на текущие, ординарные платежи и уж никак не на покрытие запросов чрезвычайного характера. При указанных обстоятельствах „нормальные рессурсы“ были сразу исчерпаны, далеко не ослабив громадного наплыва пред‘явленных требований. Закрытие биржи, в свою очередь, исключало для банков возможность получить добавочные средства путем продажи процентных бумаг и экзекуции клиентских онкольных счетов, а об‘явление моратория, распространенное на большинство губерний, лишало надежды на быстрое освобождение сумм, завязанных в многомиллионные вексельные операции. Результатом сложившихся таким образом обстоятельств явилось резкое сокращение банками активной деятельности, т. е. тот источник, из которого торгово-промышленный мир обычно черпал необходимые средства, оказался почти закрытым. Но далеко не все фирмы, нуждавшиеся в деньгах, имели их на вкладах в банковых учреждениях; много фирм могли получать оборотные средства лишь путем учета, и это тем более, что рынок ценных бумаг не функционировал. Отсюда явилась растерянность и пессимистическая оценка общего финансового положения. Естественная в условиях мобилизации выемка вкладов получала стимул извне, т. е. к требованиям на вклады, вытекавшим из об‘ективной хозяйственной необходимости, прибавились требования, вызванные внезапной утратой доверия к данному банковому учреждению. На юге были даже случаи, когда банки ограничивались выдачею 5—10 тыс. руб. фирмам, имевшим у них миллионные вклады, чем еще более усиливали недоверие к создавшемуся положению. В особенности тяжело приходилось обществам взаимного кредита, нередко вынуждавшимся, вследствие отказа в поддержке со стороны банков, прекращать выдачу вкладов. Растерянность, первоначально проявившаяся на верхах делового мира, быстро перекинулась на низы, где, осложнившись, превратилась в панику, которая охватила большую часть промышленной России. Вне кризиса остались лишь отдельные пункты севера, Восточная Сибирь и Средняя Азия.

На помощь частным кредитным учреждениям пришел Государственный Банк, путем переучета векселей и перезалога процентных бумаг. Выданные Государственным банком

425 милл. руб. ликвидировали кризис. Тем не менее растерянность, проявленная руководителями частных банков на местах, поставила многие предприятия, не располагавшие к этому времени достаточною кассовою наличностью или крупными суммами на текущих счетах, в очень тяжелое положение. В наиболее трудных условиях оказались средние и мелкие предприниматели, для которых все источники кредита временно закрылись. Все торговые сделки начали совершаться на наличные. Доверие исчезло с рынка. Вместе с тем напряженные требования на деньги со стороны государства привели к характерному изменению балансов наших банков.

Государственному банку для удовлетворения нужд государственного казначейства пришлось напрячь все свои силы. Текущий счет Государственного банка, достигавший до войны 600 милл. руб. уже к 1-му сентября 1914 г. упал до 250,8 милл. руб., а к 1-му октября—до 208,3 милл. руб. Одновременно чрезвычайно возросли выдачи государственному казначейству в счет будущих поступлений; составляя на 1-е января 1914 г. 54,3 милл. руб., они достигли к 1-му января 1915 г.—415 милл. руб., а к 1-му января 1916 г.—603,5 милл. руб. Возрасли также суммы, помещенные Государственным банком в правительственные и гарантированные правительством процентные бумаги, в форме ссуды или покупки. С другой стороны, сильно сократился учет торговых векселей и выдача ссуд под товары.

До февраля 1915 года Государственный банк субсидировал из государственных средств частную промышленность и торговлю; с февраля 1915 г. он начал, напротив, частными средствами, притекавшими в виде вкладов на текущий счет, субсидировать государственное казначейство. Иначе говоря, раньше через посредство государственного банка казна являлась кредитором по отношению к частно-хозяйственному обороту, а потом частно-хозяйственный оборот через посредство того же банка стал кредитором казны.

Несколько позже, в апреле 1915 г., подобный же перелом произошел и в деятельности частных акционерных банков.

Причина этого резкого изменения деятельности и государственного, и частных банков лежала во все возраставшей колоссальной затрате их средств на субсидирование правительства.

Такое отвлечение средств на нужды государства, конечно, не могло не отразиться на интересах промышленности и торговли. Однако, сокращение кредита причинило народному хозяйству гораздо меньше вреда, чем можно было ожидать. Низкий уровень учетного процента (5—6%), державшийся в течение всей войны, свидетельствует о том, что недостатка в свободных денежных средствах для учета векселей не ощущалось. Поэтому можно твердо сказать, что *сокращение торгово-промышленного кредита явилось следствием, во первых, сокращения промышленной деятельности и торговых оборотов, а во вторых, что самое главное,—следствием падения доверия на рынке.*

Операции частных банков с процентными бумагами, негарантированными правительством, за время войны совершенно не изменились; как в последние месяцы перед войной, так и все время войны, эта статья банкового актива держалась около 1.600 милл. руб.

Напротив, учредительская деятельность банков в первый год войны сильно упала, но потом хозяйственная жизнь постепенно оправилась и приспособилась к условиям военного времени: начали возникать новые промышленные предприятия и восстановился учет торговых векселей.

По сведениям „Торгово-Промышленной Газеты", число разрешенных акционерных предприятий, находившихся в годы войны в периоде организации, колебалось во вторую половину 1914 года от 20 до 35, в первую половину 1915 г.—от 15 до 22, а во вторую половину 1916 г.—от 42 до 65. Количество капитала, закладывавшагося в эти предприятия, тоже сильно увеличивалось. Так, принимая количество капитала акционерных предприятий, разрешенных к учреждению в последний год перед войною (с июля по июль) за 100, мы получим следующие коэффициенты для военного времени:

вторая половина	1914 г.	78,9
первая „	1915 г.	53,9
вторая „	1915 г.	121,3
первая „	1916 г.	157,5
вторая „	1916 г.	220,4

Хотя вновь учреждавшиеся предприятия работали почти исключительно на оборону, но непрерывный рост их указывал вообще на оживление предпринимательской деятельности в стране.

Операции частных банков с векселями рисуют несколько иную картину. С одной стороны учет и другие операции с торговыми векселями за вторую половину 1914 г. упали с 2,408,5 милл. руб. до 2.149,2 милл. руб, а к середине 1915 г. даже до 2.145,7 милл. руб. затем к концу 1915 г. возросли до 2.325,8 милл. руб. и к середине 1916 г.—еще более. С другой стороны количество учетного материала на рынке сократилось: к концу 1914 г. на 10%, к концу 1915 г.—на 50% и к концу 1916 г.—на 70%. Это противоречие об'ясняется отчасти двумя обстоятельствами: во первых, в портфелях всех банков имелось большое количество иммобилизованных мораторных векселей, а во вторых, с течением времени чисто товарные векселя начали в общей массе векселей попадаться все реже, при чем за их счет возрастало количество векселей финансовых, деловых, дружеских и т. п., выдаваемых большею частию для получения оборотных средств или средств на капитальные затраты.

Поэтому судить о состоянии торгово - промышленного кредита можно только по оборотам расчетных отделов при учреждениях государственного банка. В начале войны, под влиянием паники, количество пред'являвшихся в расчетных отделах требований сразу упало более, чем на половину; затем, постепенно количество кредитных сделок начало рости и в октябре 1915 г. сравнялось с их размерами до войны, а к 1 января 1917 г. даже превысило эти размеры в два раза. Но надо не забывать, что за эти $2^1/_2$ года сильно возрасла цена всех товаров, а цена рубля упала, вследствие чего рост сделок в 2 раза может в действительности означать их уменьшение на 20—30%.

Таким образом, на условия кредита война имела бесспорно отрицательное влияние.

VIII.

Влияние войны на внутреннюю торговлю в России. Изменения в условиях оптовой и розничной торговли. Товарная операция банков. Спекуляция.

На внутреннюю торговлю влияние войны было совсем иного рода, чем на железнодорожный транспорт и кредит. Война не предъявила никаких требований к торговой организации страны; отвлечение же массы продуктов на нужды армии и предприятий, работавших на оборону, сокращение спроса и предложения товаров на рынок, слабость транспорта—все привело к тому, что массы товаров, поступавшие в оборот в годы войны, сильно уменьшились сравнительно с довоенным временем. Таким образом, в стране образовался избыток торговых сил и средств.

Влияние войны на внутреннюю торговлю выразилось, главным образом, в том, что уже с конца 1914 года начался непрерывный и безудержный рост цен на все товары, а с 1915 г. обнаружился абсолютный недостаток некоторых продуктов.

Первый толчек к росту цен был дан отвлечением почти всех транспортных средств на нужды войны во время мобилизации армии. В это время с июля по середину октября 1914 года почти никаких коммерческих перевозок на железных дорогах не производилось. В остальные месяцы 1914 года перевозки эти производились в сокращенном размере, так что в результате за вторую половину 1914 г. было перевезено коммерческих грузов по крайней мере на 2 миллиарда пудов меньше, чем их перевозилось в тот же период в прежние годы. Естественным следствием этого явилось сокращение запасов во всех потребительских центрах примерно на то же самое количество, тех запасов, которые не только обеспечивают потребности промышленных предприятий и населения. но и служат естественным регулятором цен на продукты. Без большого количества запасов, постоянно давящих на рынок и выравнивающих случайные колебания в спросе и предложении, не может быть

устойчивых цен. Уменьшение запасов в товарных складах погнало цены в гору. Другим толчком, сильно повлиявшим на положение торговых дел, было эвакуационное движение в июле—сентябре 1915 года. Оно окончательно уничтожило все запасы в потребительских районах.

Временное замешательство в первые дни войны в области внутреннего торгового оборота быстро сменилось твердым и повышательным настроением. Постоянное превышение спроса над предложением вызывало непрерывный рост цен, вместе с тем, позволило торговцам распродать все запасы, не исключая оставшейся от прошлых сезонов и испорченной завали по ценам, повышенным от 30—до 100% и даже выше. Уменьшение торговых оборотов по количеству отпускаемых товаров с избытком покрывалось для торговцев высокими расценками, давшими им громадные барыши и позволившими тем из них, которые имели ко времени мобилизации большие запасы товаров удвоить и даже утроить свои оборотные капиталы.

Таким образом, положение оптовых торговцев было блестящим. Несравненно хуже было положение розничных торговцев, в большинстве не имевших никаких запасов товаров. Падение доверия на рынке привело к тому, что оптовые торговцы закрыли кредит или значительно сократили открытые счета большинству своих постоянных покупателей—розничных торговцев и потребовали уплаты за ранее забранный товар. Часть розничных торговцев, более состоятельная, приспособилась к этой торговле на наличные; но те торговцы, которые работали без собственного оборотного капитала исключительно в кредит, должны были прекратить торговлю и уступить место более сильным конкуррентам.

Паника в начале войны не оказала почти никакого влияния на внутреннюю торговлю. Не оказала она влияния и на товарные операции банков. Во второе полугодие 1914 г. наблюдалось некоторое сокращение последних, но затем количество их стало быстро расти и достигло в начале 1916 г. 160% количества их довоенного времени, а к концу 1916 г. превзошло 200%.

Таким образом, товарные операции банков пошли совсем иным путем, чем учетные. Падение доверия на рынке,

сокращая учетную операцию, развивало товарную. Товар—обеспечение, независящее от доверия к лицу или предприятию, притом, при всеобщей тенденции цен к росту, обеспечение весьма надежное, первоклассное. Большое количество свободных средств, созданное необычайным ростом вкладов, заставляло банки искать выгодного их помещения; оно и было найдено в товарных операциях. Вся рыночная коньюнктура военного времени — падение доверия, расстройство транспорта, рост цен, — толкала банки в эту сторону. В районе ближайшего тыла армии, особенно на юге, затруднения транспорта, не позволявшие прибегать к частому возобновлению запасов товаров, и обременительность наличного расчета при покупке крупных партий товаров создали своеобразную операцию, производившуюся частными банками. Сущность этой операции заключалась в следующем: оптовый торговец вносил в банк не более 20% стоимости товара; банк выписывал требовавшийся товар за свой счет и на свое имя, складывал его по получении в свои помещения и по мере выкупа отпускал товар заказчику по частям. Подобная форма кредитной сделки, конечно, была чрезвычайно выгодною для клиентов банка. Она не только страховала оптового торговца от повышения цен на нужные ему товары, но и позволяла ему обратить в свою пользу весь тот рост цен на закупленную с помощью банка партию, который имел место с момента покупки до момента продажи. Наконец, подобное пользование банками позволяло оптовым торговцам выдерживать товары до установления хороших на них цен и даже намеренно снимать с рынка большие партии товаров для повышения цен, т. е. производить операции злостно-спекулятивного характера.

С другой стороны, подобные сделки были очень выгодны для банков, т. к. давали возможность вполне надежного помещения их свободных средств, лежавших без дела. Но выгоды, которые приносились этими закупочными операциями, оптовым торговцам, естественно толкали банки на путь производства этих операций целиком за свой счет. Иначе говоря, содействие спекуляции оптовых торговцев привело многие банки к спекуляции за собственный счет.

Конечно, товарные операции банков не являлись непременно спекулятивными, но некоторая часть этих счетов носит несомненно спекулятивный характер.

Непрерывный рост цен на все товары сильно содействовал спекуляции на повышение, делая ее беспроигрышной. Оптовые торговцы, располагавшие складами, при непрерывном и стремительном росте цен на товары и падении курса рубля, несомненно должны были стараться задерживать товары на своих складах, так как всякая отсрочка продажи на несколько дней давала им лишнюю прибыль. Этими сокращениями предложения на рынок они в одних случаях невольно, а в других намеренно — гнали цены еще выше. С другой стороны, прогрессирующее обесценение рубля заставляло торговцев все свободные деньги немедленно помещать в товары, чтобы избежать потери на падении курса рубля на внутреннем рынке.

Понятно, что такая усиленная скупка товаров порождала усиленный спрос. Вообще, вследствие понижения цены денег все промышленники и торговцы из простого чувства самосохранения вынуждены были избегать денежной формы хранения своих капиталов и стремиться держать их в форме товаров или недвижимого имущества, создавая тем самым усиленный спрос и еще более вздувая цены.

Напротив, розничные торговцы, не имевшие собственных складов, участвовали в спекуляции в гораздо меньшей степени. Но розничные торговцы являлись последним звеном в производительно-распределительной цепи. Потребитель имел дело непосредственно только с розничным торговцем и лишь через него со всеми выше стоявшими участниками этой цепи — оптовыми торговцами, фабрикантами и землевладельцами. И так как среднему обывателю был недоступен анализ причин дороговизны, то всю вину за нее он свалил прежде всего на спекуляцию розничных торговцев.

Практическим выражением этого убеждения среднего обывателя в виновности розничных торговцев были погромы. Крупнейшие из них произошли: в 1915 г. в Астрахани и в 1916 г. в Баку, в Красноярске, в с. Рыбном, Канского уезда Енисейской губернии, в Оренбурге и в Кубанской области.

Теоретическим же подтверждением якобы правильности этого обывательского убеждения служило усиленное подчеркивание спекулятивного характера деятельности розничных торговцев в печати.

Конечно, спекуляцией можно назвать всякое действие, сопряженное с рыночным торгом и куплей продажей, говорит С. Н. Прокопович. Такая спекуляция, действующая в сторону то повышения, то понижения цен, является органическою составною частью всякой рыночной сделки. Покупая фунт сахара или булку, мы спекулируем. В этом смысле являются спекулянтами и крестьянин, продающий из своего полунатурального хозяйства несколько десятков пудов зерна в год, и фабричный рабочий, нанимающийся на фабрику. С этой точки зрения, конечно, и всякий торговец — спекулянт, ибо всякая торговая сделка купли или продажи носит в себе элемент спекуляции. Но именно поэтому то при изучении причин современной дороговизны и нельзя называть в этом смысле торговцев спекулянтами.

В слово „спекуляция“ экономическая наука вкладывает другой, гораздо более узкий и при том злостный смысл. Под спекуляцией в этом смысле она понимает действия, направленные на искусственное обострение недостатка в продуктах—их сокрытие или снятие с рынка, прекращение продажи, сокращение подвоза, порча их или уничтожение, ограничение производства, стачка фабрикантов или торговцев с целью повышения цен.

Примером такого рода „настоящей спекуляции“ может служить следующий факт, о котором рассказывает С. Н. Прокопович. В то самое время, когда в Москве в 1915 году испытывался острый недостаток в сахаре и перед лавками стояли длинные хвосты покупателей, на одной из станций железных дорог Москвы находилось громадное количество сахара, но так как он был отправлен на пред'явителя, то начальник станции не имел возможности даже знать, кому этот сахар предназначался. Желая выяснить, кому принадлежит сахар, он прибег к следующей мере. Он обратился ко всем крупным фирмам, торговавшим в Москве сахаром, с просьбой указать, не их ли сахар лежит на складе несколько месяцев и не вывозится. Все ответили, что им этот

сахар не принадлежит. Тогда он прибег к другой мере: он об'явил в газетах, что если в течение трех дней не явятся за этим сахаром, то сахар будет взят. Оказалось, что сейчас же, на следующий день, было прислано сто подвод и началась перевозка этого сахара. Пример этот показывает, что не всегда в той или другой местности недостаток в продуктах первой необходимости был вследствие того, что в данном городе или местности не было этих необходимых продуктов; оказывается, они были, но находились в руках скрывавших их лиц—спекулянтов. Что торговцы спекулировали, злостно спекулировали, в этом не может быть никакого сомнения. Вопрос лишь в том, какую роль эта злостная спекуляция играла в расстройстве народно-хозяйственной жизни: являлась ли она главной или одной из главных причин этого расстройства, или же необходимым спутником, следствием безтоварья.

Повидимому, правильным является последний взгляд, что злостная спекуляция, разыгравшаяся на почве безтоварья и дороговизны, созданных несоответствием производства и предложения товаров потреблению и спросу на них, а также слабостью транспорта, лишь сравнительно в незначительных размерах содействовала дальнейшему росту цен. Если в обществе широко был распространен обратный взгляд, то причин к этому, сверх чисто обывательского отношения к вопросу, было несколько.

Во первых, в начале войны многие думали, что в России, как стране, вывозящей продукты первой необходимости, прекращение экспорта поведет к резкому падению цен на эти продукты. Понятно, что когда начался рост цен на них, то огромное большинство общественных деятелей склонно было считать это явление ненормальным, искусственным и приписывали его спекуляции.

Затем, другою причиною, содействовавшею укреплению общего убеждения в спекулятивном характере деятельности торговцев в военное время, было отсутствие какой бы то ни было реакции торговых кругов на заведомо спекулятивные действия отдельных торговцев. Отсутствие этого осуждения и соответствовавших мероприятий толковалось населением в том смысле, что торговая среда вполне солидарна с этими

спекулятивными приемами, так как вся она спекулирует и наживается в годину тяжелого испытания.

Наконец, сильно способствовало этому огульному осуждению торговцев отношение к ним правительственной власти, особенно Министерства Внутренних Дел, считавшего их главными, если не единственными виновниками недостатка продуктов и дороговизны, и принявшего против них ряд репрессивных мер, начиная с обязательных постановлений, штрафов, арестов и кончая облавами на спекулянтов и высылками их в места не столь отдаленные.

IX.

Влияние войны на внешнюю торговлю России. Изменения в условиях привоза и вывоза. Торговый баланс.

Об'явление войны Германиею 19-го июля и Австро-Венгриею 24-го июля 1914 г. имело непосредственным экономическим результатом прекращение привоза и вывоза товаров по германской и австро-венгерской сухопутным границам, а также через южную часть Балтийского моря. Война с Турцией, начавшаяся с 20 октября 1914 г. с обстрела „Гебеном“ и „Бреслау“ наших черноморских портов, прекратила нашу торговлю с Турцией и через Дарданеллы, при чем и раньше, до начала военных действий, вывоз через Дарданеллы был крайне стеснен и они долгое время были закрыты. Наконец, выступление Болгарии 5-го октября 1915 г. прекратило также нашу торговлю с Болгарией. Вследствие неудачного хода военных действий, все эти пути до конца войны оставались для нашей внешней торговли закрытыми. Остались открытыми на нашей европейской границе только пути через Архангельск, Ботнический залив, Швецию и Румынию.

В мирное время наша внешняя торговля пользовалась этими торговыми путями в самом ограниченном размере; для оживленного товарообмена они были совершенно не приспособлены. Так, в 1913 году, при общей сумме вывоза по европейской границе в 1.420,9 милл. руб. и общей сумме

привоза в 1.220,5 милл. руб., товарообмен по указанным путям составлял всего 79 милл. руб. вывоза (5,6% всего вывоза) и 33,8 милл. руб. привоза (2,8% привоза). Следовательно, наша внешняя торговля по европейской границе с об'явлением войны сократилась в чрезвычайной мере. С приспособлением же оставшихся открытыми путей к усиленному товарообмену, мы очень запоздали.

Важнейшим из этих путей была узкоколейная линия Вологда — Архангельск, находившаяся в руках военных властей, которые не считались с нуждами частной экспортной торговли, вследствие чего вагоны в направлении на Архангельск в значительном количестве шли порожними. Перешивка этой линии на широкую колею была закончена лишь к 15 января 1916 г., а в ожидании ее параллельно железной дороги установилась гужевая перевозка от Архангельска до Вологды (600 верст) коммерческих грузов. Такая же перевозка, но в меньших размерах, производилась и из Архангельска на Петроград (1.200 верст). Наконец, подготовка и постройка железной дороги на Мурман производилась очень медленно, и эта линия надлежащим образом не была готова даже к концу войны.

При таком состоянии путей к важнейшим не закрытым войною портам на европейской границе, мы главную массу заграничных товаров были вынуждены получать через Владивосток, вследствие чего не могли вывозить в должной мере хлеб и мясо из Сибири.

Закрытие главных путей нашей внешней торговли и неприспособленность ее второстепенных путей имели результатом резкое падение нашего привоза в первый год войны. В общем движение нашего привоза во время войны по ценности его, по сравнению с привозом 1913—1914 г. было таково:

	Жизн. припасы.	Сырье и полуфабрик.	Изделия.	Все товары.
1914 (июль —дек.)	42,2%	32,8%	42,4%	34,2%
1915 (янв.—июнь)	40,8%	36,4%	50,2%	42,8%
1915 (июль —дек.)	61,6%	89,2%	119,8%	97,4%
1916 (янв.—июнь)	68,0%	85,4%	174,7%	117,7%

Однако, судить о размере привоза по этим цифрам представляется затруднительным, ибо ценность груза без поправок на вздорожание единицы его и за падение курса рубля может привести нас к ошибочным выводам.

Вводя же поправки за вздорожание и за падение курса рубля, мы получим такие данные движения привоза, сравнительно с 1913—1914 г. г.

	Жизн. припасы.	Сырье и полу-фабрик.	Изделия.	Все товары.
1914 (июль —дек.)	42,2%	32,8%	43,4%	34,6%
1915 (янв.—июнь)	36,8%	35,4%	39,4%	36,6%
1915 (июль —дек.)	40,0%	56,2%	89,4%	66,0%
1916 (янв.—июнь)	29,4%	42,3%	98,5%	59,1%

В действительности, следовательно, только привоз фабрично-заводских изделий почти достиг уровня 1913—1914 г., что же касается жизненных припасов, сырья и полуфабрикатов, то их привоз в общем упал втрое сравнительно с 1913—1914 г. г.

Таким образом, сокращение нашего привоза было гораздо более значительным, чем об этом можно судить по данным о ценности привезенных товаров. Но и этот слабый привоз иностранных товаров лишь в небольшой своей части поступал в распоряжение народного хозяйства страны: более двух третей ввозившихся готовых изделий шло на нужды армии и такая же часть сырых материалов и полуфабрикатов—на фабрики и заводы, работавшие на оборону. Поэтому о размерах ущерба, нанесенного нашему народному хозяйству закрытием обычных путей международной торговли, никоим образом нельзя судить по приведенным выше цифрам сокращения привоза иностранных товаров.

Но если под влиянием войны пострадал наш привоз, то еще в большей степени пострадал наш вывоз.

Движение нашего вывоза по его ценности, по сравнению с 1913—14 г. г. было таково:

	Жизн. припасы.	Сырье и полуфабрик.	Изделия.	Все товары.
1914 (июнь—дек.)	22,4%	28,0%	41,4%	24,6%
1915 (янв.—июнь)	11,2%	12,2%	50,8%	12,2%
1915 (июль—дек.)	26,2%	33,4%	37.6%	28,6%
1916 (янв.—июнь)	12,9%	35,4%	58,5%	22,0%

Таким образом, во второй год войны наш вывоз, по своей ценности, составлял приблизительно четвертую часть прежнего вывоза, при чем более всего пострадала главная группа вывозимых нами товаров—жизненные припасы.

Теперь, вводя поправки за рост цен, мы получим такие данные о количестве вывезенных товаров по сравнению с 1913—14 г.:

	Жизн. припасы.	Сырье и полуфабрик.	Изделия.	Все товары.
1914 (июль—дек.)	21,6%	24,0%	40,2%	22,8%
1915 (янв.—июнь)	7,2%	9,2%	53,2%	8,8%
1915 (июль—дек.)	16,2%	22,2%	26,0%	18,4%
1916 (янв.—июнь)	6,4%	18,0%	34,0%	11,2%

Из этой таблицы видно, что наш вывоз на второй год войны был менее одной шестой части своей нормальной величины до войны,

Одною из причин более значительного падения вывоза, сравнительно с привозом, несомненно является большая громоздкость предметов нашего вывоза, их меньшая удельная ценность.

Другою причиною являлось запрещение вывоза целого ряда товаров, как для того, чтобы предупредить возможность получения неприятелем необходимых ему предметов и продуктов,. так и для сохранения внутри страны тех товаров, которые были нужны нам для целей войны и нашей промышленности. И тут некоторые недостаточно продуманные распоряжения нанесли излишний ущерб нашей экспортной торговле.

Так, напр. с самого начала войны был закрыт выход для масла, изготовлявшегося в Сибири в количестве свыше

$4^1/_2$ милл. пудов в год и шедшего почти исключительно (до 85%) за границу. Это распоряжение глубоко отразилось на всем маслоделии, ибо женское население, оставшееся дома и более приспособленное к маслодельной промышленности, чем к земледелию, было лишено возможности сбывать масло. Затем, это масло подвергли реквизиции для армии, но, по нераспорядительности, не брали целые месяцы, в течение которых масло портилось. В конце концов, через много месяцев, его освободили от реквизиции, взявши весьма небольшое количество для армии.

Не менее непродумано было распоряжение о разрешении вывоза леса из портов Белого моря только на союзных судах или на судах под русским флагом. Но зафрахтовать союзные суда, вследствие стесненного положения транспорта союзных держав, было невозможно, а русских судов в портах Белого моря почти не было. В результате, осенью 1915 года в Архангельске скопилось леса, ожидавшего вывоза, на 40 милл. руб. Между тем, Германии наш лес не был нужен, ибо необходимое ей количество дерева она всегда могла получить от Австро-Венгрии, Швеции и Норвегии.

Для привоза Владивосток был использован вполне, но в отношении вывоза мы им почти не пользовались. Между тем, вследствие забивки Сибирской железной дороги грузами из Владивостока, сибирский хлеб не получал подвижного состава для движения в Европейскую Россию; движение же его за границу через Владивосток, пользуясь следовавшими туда порожними вагонами, задерживалось сначала высоким тарифом, а затем совсем было отклонено отказом Военного Министерства дать разрешение на экспорт хлебных грузов на судах под нейтральным флагом. Вследствие этого, вагоны, двигавшиеся к Владивостоку, и бывшие в состоянии вывозить до 72 милл. пудов сибирских хлебных грузов в год, шли пустыми, а цена на пшеницу в Сибири упала: до 60—70 к. за пуд на линии железной дороги, до 30—40 к. в 200 верстах и до 17—20 к.—в 400 верстах от железной дороги.

Во всех этих не хозяйственных распоряжениях, касавшихся нашего вывоза, особого внимания заслуживала роль властей, которые много раз в течение этой войны обнару-

живали весьма слабое понимание хозяйственной стороны дела и весьма невнимательное отношение к интересам народного хозяйства. Если при прежних войнах до известной степени можно было не считаться с экономикой, то великая мировая война, превратившаяся в войну на истощение и представлявшая собою грандиознейшее хозяйственное предприятие, требовала совершенно иного отношения к ее народно-хозяйственной стороне.

Вследствие резкого падения вывоза и гораздо менее значительного сокращения привоза, наш торговый баланс, бывший до войны положительным, стал в годы войны отрицательным, давая, по сравнению с балансом 1908—1913 г. г. в каждое полугодие недобор в сотни миллионов рублей, при чем с каждым полугодием этот недобор возрастал прямо-таки в ужасающей прогрессии. Дефицит по торговому балансу и недобор сравнительно с 1909—1913 г. г. равнялись (в миллионах рублей):

	Дефицит:	Недобор:
В 1914—1915 году	319,5	675,3
„ 1915—1916 „	1.115,0	1.476,8
„ 1916—1917 „	2.261,4	2.623,2

Такое ухудшение нашего международного торгового баланса, конечно, не могло не отразиться самым тяжелым образом на курсе нашего рубля, а, следовательно, и на всем денежном обращении.

X.

Влияние войны на денежное обращение. Падение курса рубля и его причины. Следствия падения курса рубля.

Предвидение огромных платежей за границу золотом для приобретения необходимых для ведения войны предметов вооружения и боевого снаряжения заставило наше правительство 27 июля 1914 года приостановить размен кредитных билетов на золотую монету.

Мера эта, конечно, не могла не отразиться неблагоприятно на курсе рубля, который начал падать. Кроме того,

нарушение внешнего товарообмена, вызванное вспыхнувшей войной, разразилось биржевой паникой не только в государствах, принявших участие в войне, но и в нейтральных, еще более повлияла на курс нашего рубля, и последний в первые недели войны упал на 25%.

Позднее, когда международная биржевая паника улеглась, падение курса рубля не остановилось, ибо на него влияли огромные расходы, вызванные войной, и угрожающее ухудшение нашего торгового баланса.

После того, как улеглась первоначальная паника, в первое полугодие войны наш рубль был обезценен в среднем на 18,5 золотых копеек, во второе полугодие на—19,7 коп., в третье—на 33,8 коп. в четвертое—на 38,9 коп. и в пятое т. е. ко времени февральской революции,—на 38,7 коп.

В обычное время, говорит С. Н. Прокопович, когда внешняя торговля не подчинена никаким стеснениям, действие закона спроса и предложения выражается в том, что если иностранная валюта дорожает, растут цены как на иностранные товары, ввозимые в страну, так и на туземные товары, вывозимые из страны, благодаря чему ввоз иностранных товаров падает, а вывоз туземных растет, так что в конце концов устанавливается равновесие между ценностью вывоза и ввоза, со включением, само собою разумеется, всех других статей расчетного баланса.

Обратно, при падении цены на иностранную валюту, в силу тех же причин растет ввоз и падает вывоз, пока опять таки не наступит равновесие.

Но во время мировой войны внешние причины мешали действию этого закона спроса и предложения. Несмотря на вздорожание иностранной валюты, мы были вынуждены ввозить изделия и материалы, нужные для обороны страны, и сократить этот ввоз мы не могли; вместе с тем мы не могли и усилить надлежащим образом наш вывоз, вследствие недостаточной емкости тех путей внешней торговли, которыми мы располагали. При таком положении вещей закон спроса и предложения был бессилен установить необходимое равновесие между ценностью вывоза и ввоза, установить тот уровень курса рубля, при котором это равновесие должно было наступить.

Но помимо этого на падение курса рубля действовали также и другие причины. Если мы проследим движение курса рубля в течение войны до февральской революции и сопоставим его с главнейшими военными событиями, происходившими на русском фронте или вблизи его, то легко заметим связь между этими явлениями, заметим, что падение курса рубля шло волнообразно, в зависимости от военных успехов или неудач. Так, гибель XIII и XV армейских корпусов и вообще катастрофа в Восточной Пруссии с армией генерала Самсонова понизила курс рубля до 80,6 коп. Успешные бои под Варшавой и отход германцев от Варшавы дали повышение курса до 84,3 коп. Далее, несмотря на общую понижательную тенденцию в отношении курса рубля, наши успехи в Галиции поддержали его на высоте 83,3 коп., но последовавшее весною 1915 года оставление нами Галиции уронило курс до 76,0 коп., а отход наших армий из Польши и Западного края—даже до 63,9 коп. Последующие неблагоприятные события, как-то: выступление Болгарии, оккупации Сербии и Черногории и оставление союзниками Галлиполийского полуострова еще более уронили курс нашего рубля, а именно до 57,8 коп., но успехи войск генерала Юденича в Армении и вступление Румынии в ряды союзников снова подняли курс до 70,1 коп. Однако, последовавшее вскоре падение Бухареста опять понизило курс до 57,3 коп.—58,0 коп. Правильное об'яснение этого влияния военных успехов и неудач на курс рубля дано З. С. Каценеленбаумом в „Трудах Комиссии по изучению современной дороговизны". При установлении цены рубля, говорит он, как покупатели, так и продавцы иностранной валюты больше всего учитывают шансы на восстановление в России нормального денежного обращения. Всякий факт, который увеличивает шансы на скорое возвращение страны к системе золотого монометаллизма, служит импульсом для усиленного предложения валюты по относительно дешевым ценам. Наоборот, все то, что удаляет момент восстановления золотой валюты, действует в обратном направлении. Вот почему торговый баланс оказывает значительно меньшее влияние на курс рубля, чем политические события.

Кроме торгового баланса и военных неудач, на падение курса рубля влияла еще спекуляция русских банков на иностранной валюте и их игра на понижение курса рубля.

Наконец, одною из самых главных причин расстройства нашего денежного обращения был колоссальный выпуск кредитных билетов.

Правительство, вынужденное нести огромные расходы на военные надобности, должно было усилить выпуск кредитных билетов в обращение. Население, в руки которого попадали эти билеты, вследствие особых условий, создавшихся во время войны, принуждено было сократить покупки с производственною целью и для личного потребления. Благодаря этому в руках населения оказалось несколько миллиардов свободных денег, непрерывно давивших на рынок и гнавших в гору цены на все товары. В з д о р о ж а н и е т о в а р о в о з н а ч а е т с о о т в е т с т в у ю щ е е о б е с ц е н е н и е д е н е г. Поэтому, совершенно независимо от падения курса рубля на внешнем рынке, произошло еще большее обесценение рубля на внутреннем рынке.

Если бы наша внутренняя торговля во время войны происходила в обычных размерах, то, конечно, рубль упал бы на внутреннем рынке в той же степени, как и на внешнем, т. е. до 57,3 коп. к началу 1917 года. Но когда Россия оказалась почти совершенно отрезанною от мирового рынка, и когда почти весь привоз из за границы шел на военные надобности, то, понятно, что частная промышленность и торговля получали ничтожное количество товаров, которое не могло иметь влияния на цены товаров отечественного производства. В то же время наш вывоз был настолько незначителен и носил столь случайный характер, что и этим путем цены мирового рынка не могли оказать влияния на внутренний рынок. Отсюда появилось постепенно возраставшее расхождение цены рубля на внешнем и внутреннем рынках.

Одним из результатов падения курса рубля явилось исчезновение золотой монеты из обращения. Прежде всего само правительство дало к этому повод приостановкою свободного размена кредитных билетов на золото, вследствие чего золото превратилось в буквальном смысле в товар. За-

тем, под влиянием паники, в первые дни войны золото исчезло из обращения не только в России, но и в других принявших участие в войне странах. Но в России, во первых, у населения не было твердой веры в конечный успех войны, а во вторых, наблюдалось хотя и волнообразное, но тем не менее систематическое понижение курса рубля, вследствие чего золото, раз спрятанное, так и осталось спрятанным, в виде запаса на черный день.

Серебряная и медная монеты постепенно также исчезли из обращения, при чем это исчезновение началось с районов, находившихся под угрозою неприятельского вторжения. Реальных оснований к такому явлению не было, ибо наш рубль на внешнем рынке ни разу не падал до уровня действительной цены серебряной или медной монеты, но население как бы предчувствовало надвигавшееся тяжелое время и постепенно выбирало серебряную и медную монету. Если во время войны к этому и не было оснований, то последовавшая после войны экономическая разруха оправдала мрачные предчувствия населения.

Попытка правительства, хотя и недостаточно энергичная, ликвидировать кризис с разменной монетой усилением ее чеканки не привела к желательным результатам, вследствие чего пришлось обратиться к выпускам разменных марок, т. е. еще более увеличить в обращении количество бумажных денег.

XI.

Расходы, вызванные войною, и способы их покрытия. Налоги. Государственные займы. Выпуск кредитных билетов. Влияние выпуска кредитных билетов на благосостояние населения. Государственный долг.

Великая мировая война вызвала совершенно сказочные расходы по сравнению с расходами, требовавшимися на ведение прежних войн. Так, Россия израсходовала на ведение:

Крымской войны	1853—55 г.г.	538,2 милл.	руб.
Турецкой „	1877—78 г.г.	1.075,4 „	„
Японской „	1904—05 г.г.	2.940,5 „	„

Приведенные цифры обнимают не только платежи, связанные с самыми войнами, но и с их последствиями. Во время же великой мировой войны Россия израсходовала (по не вполне точным данным, а за 1917 г.—лишь по приблизительным):

в 1914 году	2.280	милл.	руб.
в 1915 „	8.815	„	„
в 1916 „	12.870	„	„
в 1917 „	15.000	„	„

т. е. всего около 39 миллиардов и притом исключительно на ведение войны, не считая ее последствий.

Теперь, если привести указанные выше расходы к стоимости одного дня войны, то мы получим, что Россия расходовала в день:

в 1914 году	10	милл.	руб.
в 1915 „	24,1	„	„
в 1916 „	35,3	„	„
в 1917 „	41,0	„	„

Для покрытия этих колоссальных расходов необходимо было подыскать соответствующие источники. Обычно расходы, связанные с войнами, покрывались: 1) повышением налогов, 2) государственными внутренними и внешними займами и 3) выпуском бумажных денег. К этим источникам покрытия военных расходов пришлось обратиться во время великой мировой войны всем воевавшим государствам, а в том числе и России. Насколько же успешны были результаты обращения к тому или иному источнику, мы увидим из последовательного их рассмотрения.

Как было уже указано выше, ежегодный народный доход населения Российской Империи в 1914 году исчислялся в 12.800.000.000 руб. Налоговое обложение, действовавшее в том же году, брало с населения около 17% ежегодного дохода, не считая расходов на самоуправление. Такое тяжелое обложение не давало оснований расчитывать на благоприятные результаты дальнейшего нажима налогового винта, но война повелительно потребовала его, и уже с октября 1914 года началось введение новых налогов, которое стало тем более

необходимым, что под влиянием войны сократилось поступление в казну доходов от старых налогов.

Такое сокращение налоговых поступлений обнаружилось: 1) по таможенному доходу, вследствие закрытия границ с наиболее живым товарообменом, 2) с пассажиров и грузов, вследствие значительного сокращения коммерческого движения на железных дорогах, 3) с гербовых пошлин и с пошлин с переходящих имуществ, вследствие сокращения связанных с ними сделок, 4) по лесному доходу, вследствие уменьшения экспорта, 5) по всякого рода налогам с населения Польши и областей Западного края, занятых неприятелем, и 6) вследствие прекращения продажи питей.

Уже в 1914 году, когда еще не на всех приведенных статьях сказалось влияние войны, обнаружилось колоссальное сокращение поступления государственных доходов, а именно: в) августе на 56,7%, а в сентябре—на 44,9%. С октября 1914 года, как сказано, началось введение новых налогов, но и вместе с этими новыми налогами, по сравнению с 1913 годом, поступления в казну составляли:

в 1914 году	62,6%
в 1915 „	74—84%
в 1916 „	103,4%.

Таким образом, несмотря на усиление налогового бремени, поступления в казну лишь в 1916 году по абсолютной цифре дошли до размера поступлений 1913 года, что красноречиво свидетельствует о сокращении хозяйственной деятельности в стране и о падении ее производительных сил.

В результате источник налогов давал недобор и оказывался несостоятельным хотя бы отчасти покрывать расходы на войну.

Другим источником покрытия военных расходов являются государственные займы—внешние и внутренние.

Успех осуществления внешних займов зависит от количества свободных денег, предлагающихся на мировом рынке. В 1913 году таковых средств было 7.900 милл. руб. Принимая же во внимание, что одна только Россия расходовала на войну от 8 до 12 — 15 миллиардов руб. в год и что в средствах нуждались и другие принимавшие участие

в войне государства, станет понятным, что для России найти для ведения войны средства на внешнем рынке было более чем затруднительно и что искать таковые средства она должна была на внутреннем рынке.

Так оно было и в действительности. С начала войны и до половины 1916 года Россия выпустила следующие займы:

краткосрочные обязательства государственного казначейства . .	6.500	милл.	руб.
билеты госуд. казначейства . . .	850	„	„
внутренние займы	5.000	„	„
внешний „	2.596,4	„	„

Таким образом, займы на военные расходы за первые два года войны были покрыты на 84% средствами внутреннего рынка и только на 16% средствами заграничных рынков. Если же обратить внимание на характер внутренних займов, то нельзя не заметить, что займами в тесном смысле слова было получено лишь 40,5% средств, добытых на внутреннем рынке, 6,9% было взято путем выпуска билетов государственного казначейства, а вся остальная масса—52,6% посредством краткосрочных обязательств, которые учитывались, главным образом, Государственным банком, за счет выпускавшихся им кредитных билетов. Иначе говоря, главным источником для покрытия огромных расходов войны являлся выпуск бумажных денег.

Народный доход слагается из фонда накопления и фонда потребления. Первый из них оказался недостаточным для покрытия расходов войны во всех принимавших в ней участие странах, не говоря уже о России, в которой фонд накопления мог исчисляться только в 1 миллиард руб. в год при ежегодном народном доходе в 12,8 миллиардов руб. Очевидно, что всем воевавшим странам пришлось сильно затронуть фонд потребления. Если фонд накопления может быть взят с населения путем займов, то взять таким же порядком фонд потребления невозможно, ибо человек, нуждающийся в удовлетворении своих насущных потребностей, не будет покупать процентных бумаг. Некоторую часть фонда потребления можно взять путем налогов, но и эта мера, как мы уже видели, не всегда приводит к положительным

результатам и за известным пределом нажим налогового винта становится бесплодным. Единственным путем получения средств из фонда потребления является выпуск бумажных денег, ибо можно не подписываться на государственные займы, можно не покупать процентных бумаг, можно уклоняться от взноса налогов, но от принятия в уплату за свои продукты, изделия и товары кредитных билетов, выпускаемых в избыточном количестве правительством, уклониться невозможно. Выпуская в обращение кредитные билеты, правительство берет из народного хозяйства нужные ему материальные ценности помимо воли населения, в принудительном порядке.

Чтобы дать возможность государственному банку учитывать краткосрочные обязательства государственного казначейства в размере, соответствовавшем потребностям военного времени, эмиссионное право банка, т.-е. право выпуска кредитных билетов, было расширено с 300 милл. руб. до 1.500 милл. руб. (27-го июля 1914 г.), затем до 2.500 милл. р. (17-го марта 1915 г.), до 3.500 милл. руб. (22-го августа 1915 г.) и до 5.500 милл. руб. (29 августа 1916 г.).

Кредитные билеты выпускались государственным банком не только для учета краткосрочных обязательств государственного казначейства. Как уже было сказано выше, одним из ближайших непосредственных последствий об'явления войны была паника на денежном рынке, которую ликвидировал государственный банк путем выпуска 425,1 милл. р. в ссуды частным кредитным учреждениям для удовлетворения необычайных требований на наличные деньги. Кроме того, часть выпусков кредитных билетов предназначалась для нужд промышленности и для покрытия обыкновенных расходов государства. Но главная масса их, поступившая в обращение с начала войны, была выпущена на ее нужды.

Количество выпускавшихся бумажных денег все увеличивалось по мере возрастания расходов на нужды войны, а именно их находилось в обращении:

к 1-му июля 1914 г.	1.640	милл. руб.
„ 1-му янв. 1915 г.	2.941	„ „
„ 1-му июля 1915 г.	3.756	„ „

к	1-му янв.	1916 г.	5.617	милл. руб.
„	1-му июля	1916 г.	6.628	„ „
„	1-му янв.	1917 г.	9.104	„ „
„	1-му июля	1917 г.	13.055	„ „
„	25-му окт.	1917 г.	18.917	„ „

Все это колоссальное количество кредитных билетов было поглощено внутренним денежным рынком России и взамен их были отданы населением необходимые на нужды войны материальные ценности.

Ясно, что русский народ, ежегодный фонд накопления которого равнялся 1 миллиарду руб., не мог за счет этого фонда удовлетворять требованиям на нужды войны и вынужден был сделать это за счет фонда потребления.

Однако, всякие позаимствования из фонда потребления неизбежно приводят к нарушению равновесия на рынке и к росту цен. Так оно обнаружилось и на деле. Для войны оказалось нужно гораздо больше средств, чем их имелось в распоряжении страны, в виде ее фонда накопления. При закрытии обычных путей внешней торговли, этот недостаток продуктов и изделий не мог быть восполнен привозом из-за границы. Пришлось урезать потребление населения. Усиленный спрос вызвал чрезвычайное вздорожание всех товаров, причем на разные товары рост цен был различный, в зависимости от отношения спроса на данный товар к его предложению. Особенно возрасла цена на те товары, которые в больших количествах расходовались армией, а также на те продукты, которые принадлежат к числу предметов первой необходимости и потребление которых народ не мог и не желал сокращать.

Таким образом, великая мировая война оказалась для России совершенно не по средствам. Фонд накопления, которым мы располагали, покрывал менее 10% военных расходов. Остальные средства мы были вынуждены добывать за счет понижения уровня народной жизни. Поэтому то, уже в самом начале войны, правительству пришлось прекратить размен кредитных билетов на золотую монету и расширить эмиссионное право государственного банка.

В итоге всех разнообразных кредитных операций, совершенных для покрытия военных расходов, наш государственный долг за время войны увеличился до невероятных размеров.

По оффициальным сметным данным, движение его было таково:

к 1 июля 1914 г.	8.764,6	милл.	руб.
„ 1 янв. 1915 г.	10.488,5	„	„
„ 1 „ 1916 г.	18.876,7	„	„
„ 1 „ 1917 г. (предполож.).	31.000,0	„	„

Таким образом, принимая во внимание, что мы располагаем данными по государственным долгам лишь к 1-му января 1917 года для исчисления нашей задолженности к октябрьской революции нам необходимо к цифре нашей общей задолженности на 1 января 1917 г. прибавить всю сумму кредитных билетов, выпущенных с 1 января по 25 октября 1917 года.

Эти выпуски были следующие:

в январе и феврале	846	милл.	руб.
„ марте	1.031	„	„
„ апреле	476	„	„
„ мае	729	„	„
„ июне	869	„	„
„ июле	1.070	„	„
„ августе	1.273	„	„
„ сентябре	1.892	„	„
с 1-го по 25 октября . . .	1.627	„	„
	9.813	милл.	руб.

К февральской революции мы имели всего выпущенных в обращение кредитных билетов на сумму 9.950.000.000 руб. (9.104.000.000+846.000.000); за период от февральской до октябрьской революции мы выпустили еще 8.967.000.000 руб. и, следовательно, всего к октябрьскому перевороту, т.-е. к фактическому окончанию Россиею своего участия в великой ми-

ровой войне, мы имели в обращении кредитных билетов на сумму 18.917.000.000 руб.

Теперь, чтобы определить, во что обошлась России великая мировая война, не считая ее последствий, необходимо к сумме государственного долга на 1 января 1917 г. в 31.000.000.000 рублей прибавить 9.813.000.000 руб., выпущенные в первые 10 месяцев 1917 года кредитных билетов и тогда мы получим общую сумму задолженности России к октябрьской революции около 40.813.000.000 руб. Наконец, вычитая отсюда наш государственный долг на 1 июля 1914 года, в размере 8.764.000.000 руб., и всю сумму находившихся к этому сроку в обращении кредитных билетов в размере 1.640.000.000 руб., мы получим, что великая мировая война, не считая ее последствий, обошлась России, в виде одной только задолженности, в сумму свыше 30 миллиардов рублей.

Вот, во что обошлась народному хозяйству России великая мировая война, не считая ее последствий. Стоимость же для России этих „последствий", обыкновенно составляющих весьма значительную долю всех расходов, вызываемых войною, в настоящее время нельзя и думать определить, потому что „последствиями" явился полный развал народного хозяйства страны.

XII.

Заключение.

Великая мировая война явилась неизбежным следствием условий развития народного хозяйства в странах всего мира и, в особенности, в странах с преобладающим значением обрабатывающей промышленности. Германия, развивая свою индустрию за счет сельского хозяйства, принуждена была войти в заколдованный круг; выражающийся формулой профессора Гессе: „мы должны ввозить, для того, чтобы существовать и питаться; мы должны вывозить, чтобы иметь возможность ввозить". Такое положение требовало расши-

рения рынков для сбыта фабрикатов, а успешность конкуренции на иностранных рынках с другими государствами не открывала нигде, кроме Балканских стран, розовых перспектив для дальнейшего развития сбыта. На рынках Азии и Америки германский сбыт, возрастая абсолютно, понижался по сравнению с ростом сбыта из некоторых стран и в будущем стоял перед угрозой вытеснения фабрикатами Соединенных Штатов Америки и Японии. Еще более мрачно рисовались перспективы на европейских рынках, кроме балканских. Экономическая борьба с Великобританиею и Франциею становилась все более напряженною, и германскому капиталу представлялось только два выхода: или пойти на уступки или попытаться вооруженною силою создать себе более выгодные экономические условия. Германский капитал избрал второе решение.

Совсем в иных экономических условиях находилась Россия. Ей не было необходимости искать рынки для сбыта своих произведений. Колоссальным рынком являлось само население страны, потребности которого далеко не были удовлетворены. Всякое повышение производства находило себе сбыт прежде всего в России, а избыток выбрасывался за границу, причем залог развития этого сбыта лежал в развитии интенсивности и удешевления производства путем применения более совершенных способов.

Тем не менее, внешняя политика России заставила ее и готовиться к войне, и принять в ней участие.

Исследуя вопрос о влиянии мировой войны на народное хозяйство России, мы видим, что эта война сильно расшатала ее народное хозяйство. Является интересным вопрос, можно ли было предотвратить это расшатывание или, по крайней мере, уменьшить его целесообразною подготовкою к войне в мирное время.

В России перед мировой войной как бы забыли, что война ведется не только армией и флотом, но всей страною и отражается в самых захолустных, в самых медвежьих ее углах. Вся подготовка к войне была монополизирована в военном и морском министерствах или, вернее, только в их управлениях генерального штаба. Участие в подготовке к войне прочих министерств было ничтожным и при-

том безинициативным, ибо вся инициатива была сосредоточена в главном управлении генерального штаба.

Уже одно это в достаточной степени показывает, что подготовка к войне велась неправильно, потому что неправильно понималась. Все мероприятия правительства были направлены исключительно к тому, чтобы обеспечить во время войны требования армии и флота и при этом забывалось, что указанные требования обеспечиваются народом, об удовлетворении нужд которого тоже необходимо заботиться не менее, чем о нуждах вооруженной силы.

Мы видим, что совершенно очевидное влияние войны на изменение путей нашей внешней торговли ни в какой степени не было учтено при подготовке к войне, вследствие чего наши порты оказались неподготовленными, а пути, ведущие к ним, или неспособными справиться с нахлынувшими на них перевозками (Владивосток), или недостроенными (Архангельск), или совершенно непостроенными (Мурманск).

Ясно было, что иностранный торговый флот, в случае европейской, не говоря уже о мировой, войны, будет привлечен к интенсивной работе по удовлетворению нужд своих стран и не окажется в состоянии работать для России, но о создании сильного коммерческого флота у нас не позаботились, а от работы этого флота до известной степени зависели наше сельское хозяйство, фабрики, заводы и железные дороги.

Было очевидно, что во время войны с Германией мы не можем расчитывать на средства Домбровского каменноугольного бассейна и на обильный приток угля из Англии, вследствие чего вся тяжесть работы по снабжению топливом железных дорог, фабрик и заводов ляжет на Донецкий каменноугольный бассейн и на нефтяные районы, но о постановке на должную высоту добычи угля в Донецком районе и о надлежащем приспособлении топок к потреблению нефти мы не позаботились.

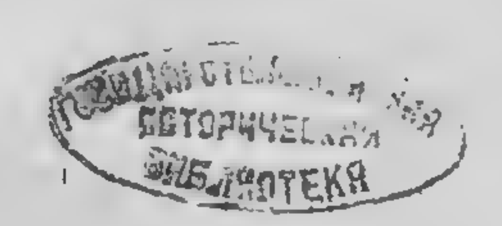
При внимательном изучении вопроса о возможных во время войны изменениях в направлениях пробега грузов по железным дорогам внутри страны становилась ясною неприспособленность нашей железнодорожной сети к этим перевозкам, а между тем последние являлись неизбежными и

неисполнение их должно было крайне тяжело отразиться на условиях жизни всего населения страны.

Короче говоря, наше правительство не понимало экономических условий, которые вносила война в народное хозяйство страны и учесть которые одному главному управлению генерального штаба, конечно, было не под силу.

Таким образом, огромные естественные богатства России, затронутые войною далеко не в такой степени, как на Западе, давали ей все возможности жить, несмотря на войну, но отсутствие своевременной и надлежащей подготовки народного хозяйства к войне ставило эксплоатацию этих богатств в такие тяжелые условия и пред'являло к народу такие колоссальные требования, которые в корне разрушали народное хозяйство.

Таким образом, великая мировая война была вызвана причинами, таившимися в экономической политике европейских государств и вследствие ошибочности внешней политики России оказалась для нея неизбежной. Для русского народа экономические результаты этой войны, вследствие отсутствия надлежащей к ней подготовки, были катастрофическими и надолго обрекли русский народ на принудительное сокращение своего потребления, не говоря уже об удовлетворении его культурных потребностей.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

стр

Печатаются:

Г. П. Бадер. 3-линейный револьвер образца 1895 г.

Иерусалимский. Мотоциклетное дело.

Е. Ф. Новицкий. Руководство по подготовке стрельбы частями.

Бои во Фландрии. По трудам Швинка и П. Дозе. Под ред. Генштаба П. И. Изместьева.

Подготовляются к печати:

Сборник статей по вопросу о стратегическом значении форм и устройства крепостей. (Статьи проф. Незнамова, Яковлева, Хмелькова, Кайсарова и др.).

Проф. В. В. Яковлев. Борьба за крепости. Ч. II.

К изучению опыта гражданской войны. Сборник военно-исторического материала.

Проф. В. В. Яковлев и В. А. Златолинский. Оборона крепости Новогеоргиевск.

Проф. П. И. Изместьев и Н. П. Вишняков. Действия 1-й армии ген. Ренненкампфа в Лодзинской операции 1914 г. (по данным офиц. отчета комиссии ген.-ад. Баранова).

Риттер. Критика Мировой войны. (Перевод с нем., под ред. проф. С. С. Абрамович-Барановского).

Кальвелль. Дарданельская операция. (Пер. с англ. под ред. проф. Б. Б. Жерве).

Арт. Монгомерри. Сто дней боя 4-й английской армии. (Пер. с английск.).

Победа под Верденом. Описание, составленное группой офицеров франц. Ген. Штаба. (Перев. с франц.).

Проф. В. В. Яковлев и В. А. Апушкин.—Оборона Ивангорода в 1914—15 г. г.

Государственное Издательство
ПЕТРОГРАД—1922.

